

ISSN 2307-1516

П **ПОЛИТИЧЕСКИЙ**
ВЕКТОР-ПРО
Р **POLITICAL**
VECTOR-PRO

КОМПЛЕКСНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ

COMPLEX
PROBLEMS
OF A MODERN
POLICY

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

N 1-2 2017

SCIENTIFIC JOURNAL

PRO

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-PRO

Комплексные проблемы
современной политики

Complex problems
of a modern policy

POLITICAL VECTOR-PRO

научный журнал

1-2 2017

issn 2307-1516

Учредители:

Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный Университет
(национальный исследовательский университет)»

Челябинское региональное отделение
Российской ассоциации политической науки

Редакционная коллегия:

Хвощев В.Е., к.филол.н., доц., ЮУрГУ
(главный редактор)

Балакин В.С., д.и.н., проф., ЮУрГУ

Бурмейстер А.Н., заслуженный проф. Гренобльского ун-та

Малышев М.А., проф.-исследователь АУШМ

Русакова О.Ф., д.полит.н., зав.отд.филол. ИФиП УрО РАН

Сибиряков И.В., д.и.н., проф., ЮУрГУ

Трегубов Н.А., к.полит.н., ЮУрГУ

Роберто Андрес Гонсалес Инохоса, проф.-исследователь АУШМ

Мария Луиза Бакарлет, проф.-исследователь АУШМ

Адрес редакции:

454080, г. Челябинск
пр-т Ленина д. 76, оф. 458а,
НОЦ «Комплексные проблемы
современной политики»

тел./факс: +7 (351) 267 94 23,

email: vek@susu.ru

Формат 70x108 1/16

Усл. п. л. 11,20

Тираж - 500 экз.

Номер заказа 99/217

Цена свободная

Периодичность выхода:

4 раза в год

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Autores

Авторы

Jesus Saul Ordonez Garcia	Хесус Саул Ордоньес Гарсия
Yisrael Kolin Aguilar	Израэль Колин Агиляр
Marco Urdapilleta Muñoz	Марко Урдапилльета Муньос
Amalia Estevez Carmona	Амалия Эстевес Кармона
Pedro Canales Guerrero	Педро Каналес Герреро
Prikhodko, O.K.	Приходько О.К.
Trapeznikova Yu.V.	Трапезникова Ю.В.
Baturin L.M.	Батурин Л.М.
Nozdrina N.A.	Ноздрина Н.А.
Romanova MG	Романова М.Г.
Antonova N.V.	Антонова Н.В.
Talanova K.A.	Таланова К.А.
Russian LV	Русских Л.В.
Khramtsova E.A.	Храмцова Е.А.
Besedin M.D.	Беседин М.Д.
Ambur Y.D.	Амбур Ю.Д.
Laine A.E.	Лайне А.Е.
Valeeva E.M.	Валеева Э.М.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

Хесус Саул Ордоньес Гарсия Мария Самбрано: нарратив о жизни и этика	6
Амалия Эстевес Кармона, Педро Каналес Герреро Регулирование земных наделов и конфликты между индейскими народностями по поводу ренты леса. Калимайа и Тепемаскалько, XVIII век	15
Приходько О.К. Студенческие обмены как инструмент российской культурной дипломатии в отношениях с Китаем с 1949 г. по настоящее время	30
Трапезникова Ю.В., Батулин Л.М. Гибридная война как инструмент достижения мирового господства	43
Ноздрин Н.А. К вопросу о современных представлениях о политическом конфликте	58
Романова М.Г., Антонова Н.В. Изучение социальных стереотипов в социологии	65
Таланова К.А., Русских Л.В. Основные теории ценностей в современной социологии	74
Храмцова Е.А., Беседин М.Д. Выборы в государственную Думу 2016 года как отражение процесса консервации политического режима	82
Амбур Ю.Д., Антонова Н.В. Институционализация и легитимизация фактического брака	97
Лайне А.Е. Эволюция государственной политики России в области премирования научных исследований в первые десятилетия XXI века.....	105
Валеева Э.М. Влияние моды на потребительское поведение студенчества	118
Требования к публикациям	125

POLITICAL VECTOR-PRO № 1-2 2017
COMPLEX PROBLEMS OF A MODERN POLICY

CONTENT

Jesús Saul Ordonez García Maria Zambrano: narrative about life and ethics	6
Amalia Estevez Carmona, Pedro Canales Guerrero Regulation of land allotments and conflicts between Indian nationalities over the rent of the forest. Kalimaya and Tepemaskalko, XVIII century	15
Prikhodko O.K. Student exchanges as an instrument Russian cultural diplomacy in relations with China from 1949 to the present time	30
Trapeznikova Yu.V., Baturin LM Hybrid war as an instrument achieve world domination	43
Nozdrina N.A. To the question of modern representations about a political conflict	58
Romanova M.G., Antonova N.V. The study of social stereotypes in sociology	65
Talanova K.A., Russkikh L.V. Basic Theories of Values in modern sociology	74
Khramtsova E.A., Besedin M.D. Elections to the State Duma in 2016 as a reflection of the conservation process political regime	82
Ambur Y.D., Antonova N.V. Institutionalization and legitimization actual marriage	97
Laine A.E. Evolution of state policy in Russia in the field of awarding scientific research in the first decades of the XXI century	105
Valeeva E.M. The influence of fashion on the consumer behavior of students	118
Requirements for publications	125

VECTOR POLÍTICO-PRO № 1-2 2017
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

INDICE

Jesús Saúl Ordóñez García	
María Zambrano: narrativa sobre la vida y la ética	6
Amalia Estevez Carmona, Pedro Canales Guerrero	
Regulación de asignaciones de tierras y conflictos entre Nacionalidades indias sobre el alquiler del bosque. Kalimaya y Tepemaskalko, siglo XVIII	15
Prikhodko O.K.	
Intercambios de estudiantes como un instrumento Diplomacia cultural rusa en las relaciones con China desde 1949 hasta la actualidad	30
Trapeznikova Yu.V., Baturin LM	
La guerra híbrida como instrumento lograr la dominación del mundo	43
Nozdrina N.A.	
A la pregunta de las representaciones modernas sobre un conflicto político	58
Romanova M.G., Antonova N.V.	
El estudio de los estereotipos sociales en sociología	65
Talanova K.A., Russkikh L.V.	
Teorías Básicas de los Valores en la sociología moderna	74
Khramtsova E.A., Besedin M.D.	
Elecciones a la Duma estatal en 2016 como un reflejo del proceso de conservación régimen político	82
Ambur Y.D., Antonova N.V.	
Institucionalización y legitimación matrimonio real	97
Laine A.E.	
Evolución de la política de estado en Rusia en el campo de los bonos investigación científica en las primeras décadas del siglo XXI.....	105
Valeeva E.M.	
La influencia de la moda sobre el comportamiento del consumidor de los estudiantes	118
Requisitos para publicaciones	125

УДК 1.14

Хесус Саул Ордоньес Гарсия

Мария Самбрано: нарратив о жизни и этика

Эта работа опирается на предписание дельфийской жрицы: «познай самого себя» как круглый камень традиционной морали и этики. Этот рецепт, как его понимает Мария Самбрано, исходит из того, что для самопознания необходимо повествовать о собственной жизни. Так что нарративная идентичность предстает как непрерывный процесс самопонимания и описания самого себя, существования человека, как утопический проект, включающий в себя весьма весомое этическое содержание.

Ключевые слова: нарратив, нарративная идентичность, этика

Хесус Саул Ордоньес Гарсия –
аспирант Гуманитарного фа-
культета штата Мехико

Jesús Saúl Ordoñez García

**María Zambrano:
narrations of life and ethics**

This essay starts from the Delphic sentence "know yourself" as the keystone of traditional ethics and moral. Proposes that, as María Zambrano affirms, to know ourselves it is necessary to narrate own life. Therefore, narrative identity draws itself as a continuous process of comprehension and writing of ourselves, and the existence of the human being as a necessarily utopist project with strong ethical implications.

Keywords: narration, narrative identity, ethics

Jesús Saúl Ordoñez García is a post-graduated student at the College of Humanities of the Autonomous University of the State of Mexico.

Jesús Saúl Ordoñez García

**María Zambrano:
narraciones de vida y ética**

Este trabajo parte del precepto delfico “conócete a ti mismo” como piedra angular de la ética y la moral tradicionales. Propone que, como lo plantea María Zambrano, para conocerse es necesario narrar la propia vida. Así, la identidad narrativa se dibuja como un proceso de constante comprensión y escritura de sí mismo, y la existencia del ser humano como un proyecto necesariamente utópico con fuertes implicaciones éticas.

Palabras-clave: narración, identidad narrativa, ética

Jesús Saúl Ordoñez García es estudiante de posgrado en la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México.

Es bien sabido que en el dintel del templo y oráculo de Apolo en Delfos se encontraba la inscripción *gnothi seauton* ("conócete a ti mismo"). Lo es menos que había otras dos: *meden agan* ("de nada en exceso"), y la última sobre las *eggue*, las cauciones, que podría traducirse como "no te comprometas". Michel Foucault inicia *La hermenéutica del sujeto* analizando estas máximas en el contexto religioso en el que estaban inscritas. Queda claro, entonces, que tales preceptos, especialmente el *gnothi seauton*, que se inscribieron, según Epicteto, "en el centro de la comunidad humana", ahí donde para los griegos de la antigüedad se encontraba el *omphalós*, el ombligo del mundo, que no es decir poco, no tenían originalmente el sentido que luego les dio la filosofía. "Lo que se prescribía en esa fórmula no era el autoconocimiento: ni el autoconocimiento como fundamento de la moral ni el autoconocimiento como principio de una relación con los dioses" (Foucault, 2002: 18).

Pero es innegable que, desde Sócrates, los preceptos délficos se convirtieron, para la tradición filosófica occidental, precisamente en "fundamento de la moral y principio de una relación con los dioses". El punto al que quiero arribar es que el *gnothi seauton* ("conócete a ti mismo"), se convirtió en la piedra angular de la ética y la moral para la tradición filosófica occidental. Pero, ¿cómo se conoce uno a sí mismo?

Ciertamente, no de la manera inmediata del *Cogito* cartesiano, que, si se quiere, podría ser ya una conciencia, pero a la cual le sería muy difícil, por no decir imposible, contestar a la pregunta: ¿conciencia de qué? ¿De que pienso, de que soy un ser racional? No más. Sin duda, no puede responder a la cuestión ¿quién soy? Porque, al pretender constituirse como verdad primera, el "yo" del *Cogito* debe ser pensamiento en abstracto, desprendido del sujeto que piensa. Como consecuencia, hay una indeterminación extrema de las respuestas a las preguntas: ¿quién?, ¿quién duda?, ¿quién piensa? y, "más radicalmente", ¿quién existe? El *Cogito*, si bien es una verdad primera, inmediata, también es meramente subjetiva, válida sólo para el "yo" que duda y piensa, que, como ya vimos, no es nadie. Entonces, ¿cómo alcanzar una verdad objetiva? Descartes responde: a través de la demostración de la existencia de Dios, que sería, por tanto, el fundamento de la verdad objetiva, exterior al "yo" del *Cogito*. Pero, en consecuencia, éste ya no sería, una "verdad primera", sino sólo una "ilusión importante" (Ricoeur, 1996: XV). Y, lo más terrible, una que la filosofía occidental ha pagado con el olvido del hombre concreto, histórico, cuya vida mental no se reduce únicamente al ejercicio del pensamiento abstracto, sino que bulle de sensaciones, pulsiones, deseos, emociones, sentimientos, pasiones, etc. Y podemos decir aun algo más, que es una consecuencia de lo

dicho anteriormente: si el "yo" del *Cogito* está encerrado en sí mismo, en su mismidad, no puede dar cabida al otro. Ya lo decía Vico, el método cartesiano, la crítica, no sirve para conocer la naturaleza humana, que, a diferencia de la de las cosas, es muy incierta, debido al libre albedrío, ni, por tanto, para conducirse con prudencia en la vida civil (Vico, 1989: 92,93).

Y éste es el primer punto de encuentro con el pensamiento de María Zambrano, pues, si bien no es su solo tema, sí es el más importante en su obra e hilo conductor, la crítica que hace a una rama principal de la tradición filosófica occidental, aunque, ciertamente, no la única, cuyos orígenes, resumiendo brevemente, rastrea hasta el nacimiento mismo de la filosofía, cuando los presocráticos, asombrados ante las cosas, se preguntan por su naturaleza, pero violentamente se separan de ellas para conquistar, con esfuerzo, el ser, la unidad e inmutabilidad del pensamiento, al costo de perder la variedad del mundo y, también, al hombre concreto, individual, que hallaríamos, ambos, hombre y mundo, no violentados, en la poesía (Zambrano, 1996: 13-25). Ciertamente, la culminación de dicha rama de la filosofía occidental es el método cartesiano, pues, con la física matemática de Newton en mente, propone a cierta razón como la única puerta de acceso al conocimiento, a una verdad que se pretende única. Para Zambrano, esto es una traición a la razón misma, pues la mutila,

reduciéndola a la razón instrumental y predictiva de las ciencias duras. Zambrano encuentra varias razones; una tipología, aunque no exhaustiva, podría ser la siguiente: la razón seminal, que surge con los estoicos; la razón mediadora, que aparece con Séneca; la razón constructiva, que se opone a la anterior, porque suplanta a la vida con su construcción; la razón vivificante, creadora, y la razón matemática. Además, no podemos olvidar la razón vital de su maestro José Ortega y Gasset. Por su parte, María Zambrano afirma haber encontrado, al menos, tres razones en su discurrir filosófico: la razón cotidiana, la razón mediadora y la razón poética (Bernárdez, 2004: 91,92). Esta última, la gran contribución de Zambrano al pensamiento, que no se manifiesta sólo en la poesía, es creadora, por eso, debemos entender el adjetivo como *poiesis*, y engloba las sensaciones, los sentimientos, las pasiones, la intuición, etc., es decir, todo lo que el pensamiento cartesiano dejó afuera.

La respuesta a la pregunta ¿quién soy?, es la identidad narrativa. En una narración o, por lo menos, en la mayoría de las narraciones, excepto algunas experimentales, donde no hay personajes ni acciones y que serían más cercanas al ensayo, aunque haya discordancias que ponen en peligro la identidad narrativa, pero que hacen avanzar la trama, podemos atribuir actos a un mismo personaje o actante, así éste cambie en el devenir temporal,

siempre hay algo que permanece. En consecuencia, la narración pone a la identidad bajo el dominio de la temporalidad, ya no es algo inmediato, instantáneo.

Y la narración tiene fuertes implicaciones éticas. La literatura, el arte en general, son el laboratorio de la moral. Terry Eagleton afirma que una de las características que definen a la literatura, a los poemas, es que "son declaraciones morales, entonces, no porque emitan juicios severos según un determinado código, sino porque tratan de valores humanos, de significados y propósitos" (Eagleton, 2010: 39). Si somos puristas, diremos que tal no es el fin de la literatura, y es cierto, pero en realidad, la mayoría de las veces, leemos por razones muy variadas que poco tienen que ver con el goce estético desinteresado.

Para responder a la pregunta ¿qué soy?, basta con asignarnos predicados; para la pregunta ¿quién soy?, debemos narrar. Y la narración no inicia en el límite temporal de nuestro nacimiento, en el comienzo de nuestra existencia, del que no podemos dar cuenta. Como bien lo sabe el psicoanálisis, para ello tenemos que remontarnos a las narraciones de nuestros padres e incluso de nuestros abuelos, y podríamos ir más atrás infinitamente, a la tradición que nos precede. La narración de nuestras vidas, como toda labor hermenéutica, no tiene fin. Además, la narración presentifica el pasado y lo lanza hacia el futuro, por ejemplo, en la

promesa y la fidelidad a la palabra dada. También es una labor que, necesariamente, permanecerá inconclusa, pues, al morir, ya no seremos y no podremos dar cuenta de nosotros mismos; será tarea de quienes nos sobrevivan ponerle punto final a la historia, en un acto de piedad, que es la relación del hombre con lo sagrado. María Zambrano afirma: [...] la poesía será ya para siempre memoria [...] Y esta memoria dignificará la historia real, y será una forma de piedad que compense de la crueldad del recién llegado, de las nuevas generaciones que suben a la vida. Memoria piadosa del antepasado que domará al recién venido (Zambrano, 2000: 48).

Una manera de narrarnos a nosotros mismos, es a través del psicoanálisis. Sin embargo, Zambrano no veía al psicoanálisis, al que llama freudismo, con tan buenos ojos. En un texto titulado "El freudismo, testimonio del hombre actual" (Zambrano, 2000: 123-148), reconoce el genio de Freud al tratar de lanzar claridad sobre aspectos de nuestra vida que generalmente ocultamos y, para ella, claridad es libertad. Pero le reprocha su método, su inútil afán positivista que violentaría el misterio del alma humana. Habría que encontrar la claridad sin violencia, atisbar el misterio sin develarlo del todo, pues tal develación lo privaría de su carácter sagrado. Pero, lo que más lamenta es que: "Todas estas teorías deshacen la trascendencia, dejan la vida humana reducida a la pura inmanencia" (Zambrano, 2000: 134).

María Zambrano no hace una buena lectura del psicoanálisis. Reconoce su carácter liberador, emancipador, pero no sus alcances. Cree que reduce al hombre a lo menos humano, a lo más animal, "la fuerza ciega, oscura y sin límites del apetito sexual" (Zambrano, 2000: 134). Ciertamente, en Freud hay un énfasis, tal vez exagerado, en la sexualidad, que lo llevó a discrepar y finalmente romper con algunos de sus discípulos que querían ver más allá del sexo, de la libido, como Jung. Pero no podemos negar que Eros y Tánatos rigen nuestra psique. Asunto aparte es el afán cientificista del padre del psicoanálisis, entendible por su contexto, donde reinaba el positivismo, y por su formación médica y psiquiátrica. Pero, a pesar de haber llegado a algunas verdades objetivas, el psicoanálisis es más un arte que una ciencia. En toda experiencia analítica se reescribe el psicoanálisis. Si es ciencia, su fundamento no es la objetividad o el arribo a verdades últimas, éste último imposible no sólo en las ciencias humanas y sociales, sino su naturaleza emancipadora.

María Zambrano toma el término *ínferos* de la expresión latina *descensus ad ínferos*, claramente mítica y mística, pues todo héroe debe morir para renacer transformado, el mismo Cristo, según la tradición, descendió a los infiernos y así se nombra a la primera fase de la labor alquímica, y alquimia es una palabra que María Zambrano utiliza para referirse a

la transformación ocurrida en el hombre que, a través de la razón poética, tuvo una experiencia de lo sagrado y adquirió un conocimiento vivo y vivificante. *Ínferos* puede entenderse de muchas maneras, desde la más literal, como "infiernos", pasando por "entrañas", hasta esa zona oscura de nuestra psique a donde mandamos lo que no procesamos de manera consciente o lo que reprimimos, es decir, el inconsciente freudiano. La labor del hombre es, a través de la mediación del corazón, de la razón poética, descender a los *ínferos* para rescatar lo que allí yace en la oscuridad y llevarlo a la luz, transformar la vivencia en experiencia. Para Zambrano, con Sócrates, la vida que no se vive a la luz de la conciencia, no es una vida vivida. Por supuesto, el psicoanálisis no es el único camino para revisar la propia vida, existe un buen número de prácticas ascéticas como la meditación, el examen de conciencia, los ejercicios espirituales, etc.

Zambrano va más allá, las confesiones (Zambrano, 2011:37-93), cuyos ejemplos paradigmáticos podrían ser las de San Agustín y Rousseau, mas cuyo campo comprendería también ciertas novelas y algunos poemas, pueden servir como guías del pensamiento y pensamientos guía, y entrarían, entonces, bajo la ética de la poesía, la del don y del martirio.

Es importante considerar que, si bien, para que el ejercicio de narrar la propia vida sea fructífero en términos éticos, debe ser lo más sincero posible, nunca

tenemos acceso a la realidad misma, ni a la de nuestra propia vida. La narración es un ejercicio de memoria e imaginación, una ficcionalización. Hayden White afirma que escoger la forma de nuestra narración, es ya darle un sentido (White, 2003: 166 y ss.). Por ejemplo, en las *Confesiones* de San Agustín, la trama se hace avanzar para llegar al hecho culminante de su conversión.

María Zambrano afirma que la tragedia más cercana a la filosofía es la *Antígona* de Sófocles. A diferencia de su padre, Edipo, a quien los sucesos le ocurren fatalmente por el hado, en pago de una falta que él no cometió y de otras de las que no fue consciente, Antígona decide libremente, obedeciendo a una ley a la que los mismos dioses se someten, y lleva esa decisión hasta sus últimas consecuencias. En palabras de Zambrano, es un personaje autor de sí mismo. ¿Podremos serlo nosotros?

La respuesta es: nunca del todo, por, al menos, dos razones. La primera es que la mayor parte de nuestra vida psíquica ocurre de manera inconsciente. La terapia psicoanalítica es una labor hermenéutica sobre el propio sujeto con una finalidad emancipadora. Sin embargo, ya sea a través del psicoanálisis o del descenso a los ínferos propuesto por Zambrano, en el diván del analista o a través de las prácticas ascéticas antes mencionadas, como ya se dijo, es imposible llegar a conocerse a sí mismo completamente. Y es necesario que sea así; es indispensable que

la mayoría de nuestra vida mental sea inconsciente, pues una demasiada tematización de la vida conduciría al pasmo, a la total inmovilidad, a la imposibilidad misma de vivir, de realizar los actos más simples que componen la existencia. En el pensamiento de Zambrano, la total claridad, que cegaría al hombre, corresponde únicamente a la divinidad; la oscuridad, a las bestias, y lo propio del ser humano es moverse entre penumbras, intermedias entre ambas, en el momento mismo del alba (Blanco, 2012: 21).

En segundo lugar, a diferencia de un narrador, un dramaturgo o un poeta, no controlamos todas las variables del texto de nuestras vidas. Somos arrojados a un mundo que nos precede. No somos autores de nuestras vidas, en el sentido de que no nos las damos, y desconocemos su punto final, que tendrán que colocar, como afirma Zambrano, quienes nos sucedan. Somos autores sólo en tanto al sentido que les damos en la narración, sentido que se multiplica al infinito como infinitas son las narraciones que podemos hacer de ellas.

Así, la identidad narrativa no es una esencia ni una inmanencia, sino un proceso de continua interpretación y escritura, es, necesariamente, provisional. En palabras de otras corrientes filosóficas contemporáneas preocupadas por el problema de la identidad, ésta es una *performance*. Sin embargo, dentro de los límites que hemos dibujado, los seres humanos somos capaces de decidir. Para

VECTOR POLÍTICO-PRO № 1-2 2017
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

Zambrano, "el hombre es una extraña criatura que no tiene bastante con nacer una sola vez; necesita ser reengendrado" (Blanco, 2012: 49), necesita crear y crearse y recrearse, darse a luz a

sí mismo continuamente. Es un proyecto, ciertamente utópico, y aquí es donde descansa precisamente la posibilidad de la ética.

Bibliografía

1. Bernárdez, Mariana (2004), *María Zambrano: acercamiento a una .poética de la aurora*, México, Universidad Iberoamericana.
2. Blanco, Rogelio. (2012), *María Zambrano: la dama peregrina*, San Pedro Garza García, Vaso Roto.
3. Eagleton, Terry. (2010), *Cómo leer un poema*, Madrid, Akal.
4. Foucault, Michel. (2002), *La hermenéutica del sujeto*, México, FCE.
5. Ricoeur, Paul. (1996), *Sí mismo como otro*. México, Siglo XXI.
6. Vico, Giambattista. (1989), *Vico*. Barcelona, Península.
7. White, Hayden. (2003) *El texto histórico como artefacto literario*. Barcelona, Paidós.
8. Zambrano, María. (1996) *Filosofía y poesía*, México, FCE.
9. Zambrano, María. (2000) *Hacia un saber sobre el alma*, Madrid, Alianza.
10. Zambrano, María. (2011) *Confesiones y guías*, Madrid, Entelequia.

УДК 1.14

Амалия Эстевес Кармона, Педро Каналес Герреро

**Регулирование земных наделов
и конфликты между индейскими
народностями по поводу ренты леса.
Калимайа и Тепемаскалько, XVIII век**

Восстановление народонаселения индейских народов после конкисы объясняют конфликты между ними? Карта и архивное досье показывают, что два народа занимают различные экологические ниши с точки зрения владения землей. Споры за оплату ренты леса объясняются необходимостью легко покрывать финансовые расходы религиозных праздников, питающих сознание идентичности этих народов.

Ключевые слова: индейские народы, урегулирование, восстановление народонаселения, экологические ниши

Амалия Эстевес Кармона, аспирантка Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

Педро Каналес Герреро, преподаватель-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико

Amalia Estévez Carmona, Pedro Canales Guerrero

**Composition of lands
and conflicts between Indian peoples
for the income of their forest:
Calimaya and Tepemaxalco, XVIII century**

Does the demographic recovery of Indian peoples after the "conquista", explain the conflicts between them? A map and the record of compositions show the occupation of different ecological niches, in the important territory that these two towns possess. Litigation for forest income is explained by the need to easily finance religious festivals that feed the identity of peoples.

Keywords: Indian peoples, settlement, restoration of population, ecological niches

Amalia Estévez Carmona is Postgraduate student of Humanities Faculty of Autonomous University of Mexico's State

Pedro Canales Guerrero is researcher-professor of Humanities Faculty of Autonomous University of Mexico's State

Amalia Estévez Carmona, Pedro Canales Guerrero

Composición de tierras y conflictos entre pueblos de indios por la renta de su bosque: Calimaya y Tepemaxalco, siglo XVIII

¿La recuperación demográfica de los pueblos indios después de la conquista, explica los conflictos entre ellos? Un mapa y el expediente de composiciones muestran la ocupación de diferentes nichos ecológicos, en el importante territorio que poseían estos dos pueblos. Los litigios por la renta del bosque se explican por la necesidad de financiar fácilmente las fiestas religiosas que alimentan la identidad de los pueblos.

Palabras claves: pueblos de indios, composiciones, recuperación demográfica, nichos ecológicos

Amalia Estévez Carmona es Estudiante de posgrado de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México

Pedro Canales Guerrero es Profesor Investigador de la Facultad de Humanidades de la Universidad Autónoma del Estado de México

VECTOR POLÍTICO-PRO № 1-2 2017 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

Introducción

Se analizan los conflictos ,de 1744 y 1794, entre dos pueblos del valle de Toluca, Calimaya y Tepemaxalco, por el usufructo de agua, leña y por la renta producida al arrendar, en 1785, – el segundo pueblo a un español– ,tierras comunales boscosas. Los mencionados pueblos constituyeron dos parcialidades de una misma cabecera desde 1560 (Gerhard, 1977: 347), como resultado de la política de congregaciones decretada por la Corona en la segunda mitad del siglo xvii. La política de congregar a los pueblos fue justificada por las graves epidemias que causaron el derrumbe demográfico de la población indígena*; los españoles buscaban facilitarse: la recuperación de tributos, el control religioso de los indios, el ingreso de obvenciones por las ceremonias católicas, el control político y, finalmente, la apropiación de tierras que los indios deberían abandonar al congregarse. Con resistencia, y éxitos parciales por parte de los indios, éstos fueron sometidos a congregación a fines del siglo xvi y principios del xvii (Jarquín, 1999: 10). No obstante, los indios

mantuvieron control de recursos naturales, como la tierra y el agua (Gerhard, 1977: 347; Mentz, 1988: 89). Hay que sumar a este control indio, los montes convertidos en tierras para la cría de su ganado menor, animales domésticos introducidos por los conquistadores europeos.

Variables historiográficas del objeto de estudio

Los autores que han estudiado a los pueblos de indios coloniales en el valle de Toluca y sus conflictos los analizan por periodos y los explican bajo hipótesis diferentes. En el siglo xvi y principios del xvii se presentaron conflictos de pueblos indios sujetos frente a sus cabeceras por la defensa de una fracción de su territorio o de sus recursos (tierras, aguas, bosque), la negativa de reconocer con tributos o servicios a su cabecera, la adquisición de un símbolo distintivo por parte de un pueblo sujeto o, claramente, el desconocimiento de un lazo político hacia su cabecera**. La conclusión de esos litigios (García, 1999: 243-276) fue el apoyo del gobierno colonial –a través de las resoluciones de la Audiencia– al grupo dirigente de las cabeceras para ejercer el

* Las congregaciones a partir de la década de 1550, obedecieron a la caída de la población autóctona y a la crisis de abasto a las ciudades de españoles provocadas por el descenso de la población y por tanto de su tributo. La población rural disminuyó tanto, por epidemia, entre 1545 y 1547, que ya no logró producir suficiente para mantener a encomenderos y reales de minas (Menegus, 1994: 169. Gerhard, 1977: 570).

** Los pueblos en conflicto fueron Capultitlán contra Toluca que litigó contra su cabecera de 1550-1560) Atenco contra Toluca, quien hizo lo propio en 1564-1585 y San Bartolomé de 1590 a 1603. El pueblo de Otzolotepec por su parte litigó con Jilotzingo su sujeto en 1589-1590 (García, 1999).

VECTOR POLÍTICO-PRO № 1-2 2017 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

dominio sobre los recursos naturales que existían dentro de la jurisdicción territorial de los pueblos: las funciones gubernativas y administrativas siguieron concentradas en manos de las cabeceras. Autores como García Martínez, Wood y Tanck ponen de manifiesto que este fenómeno de fragmentación de los pueblos –buscada y lograda en algunos casos– no fue exclusivo del Valle de Toluca sino general de la Nueva España y que, incluso, se vivió con mayor fuerza en el último siglo de dominio colonial.

Otros autores han abordado los litigios que se dieron en el siglo XVIII bajo la tesis de que el incremento de la población india, por un lado, y el crecimiento de la economía, por otro –postulando un fuerte incremento en la demanda de bienes agroganaderos– provocaron que los pueblos se enfrentaran contra los españoles dueños de ranchos y haciendas. Los conflictos habrían aumentado no sólo entre pueblos y haciendas –que "utilizaban más tierras en lugar de usarlas mejor" (Martínez, 2010: 23-82), sino también entre haciendas y pueblos contra pueblos.

La variable de la recuperación demográfica de los pueblos como causa de las disputas por la tierra, también es sustentado por González (2005: 369) para tierras más al sur del mismo valle: los habitantes de las antiguas estancias indias, en colaboración con sus cabeceras, entablaron durante este siglo nuevas relaciones frente a las empresas españolas logrando frenar el avance territorial español pero

también buscando independencia como pueblos frente a sus propias cabeceras. Esta búsqueda podría tener tres explicaciones independientes o combinadas: los sujetos buscaban alimentar su propia identidad, mayor control sobre sus recursos, o los indios principales de estos pueblos sujetos buscaban mayor poder político. El autor destaca la primera explicación.

Derivada de la recuperación demográfica de los indios, para Iracheta (2006: 24-59), la lucha de los pueblos por recursos naturales como el agua originó la aparición de los conflictos contra los españoles. La autora pone énfasis en el aumento de la población en la región de Toluca y la actividad agrícola comercial como la causa de que los productores entablaron una lucha por la propiedad del agua como un recurso esencial para cultivar los granos básicos (maíz, trigo), que eran los productos comerciales: "El estímulo de la demanda llevó a los hacendados y también a las comunidades indígenas, a cultivar productos más rentables pero que necesitaban de más agua".

Como hemos podido observar, tres de las cuatro investigaciones referidas se centran en la lucha por recuperar tierras por parte de los pueblos de indios contra los hacendados españoles, por razones económicas, todo condicionado por la recuperación demográfica a partir del siglo XVII que demanda más recursos productivos, sobre todo frente a los españoles. Por

VECTOR POLÍTICO-PRO № 1-2 2017
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

oposición, el trabajo de García Castro explica la lucha de los sujetos contra su cabecera por razones políticas: lucha entre indios principales.

El presente trabajo busca indagar cuál de las variables reseñadas explican los litigios analizados aquí, por los recursos naturales, entre las dos parcialidades, San Pedro Calimaya y San Pablo Tepemajalco, del mismo Pueblo y Cabecera: ¿la recuperación demográfica, ya indiscutible para el siglo XVIII, que implica mayor densidad demográfica respecto a la tierra cultivable?; ¿la producción y comercialización de productos en tierras comunales?; ¿la disputa política entre los principales de cada parcialidad por recuperar su identidad como Pueblo por separado?; ¿la realimentación de la identidad de las parcialidades que proviene desde tiempos prehispánicos o, simplemente, por razones de finanzas festivas? En realidad, los tres expedientes hallados, consultados y analizados aquí, nos permiten abordar indirectamente la densidad demográfica y su relación con los recursos; los expedientes no se refieren en momento alguno a producir bienes para el mercado de parte de las parcialidades; tampoco se entrevé una disputa entre principales que busquen la separación de las parcialidades para reivindicar mayor poder. El contenido de los expedientes referidos parecen útiles para mostrar, la importancia que juegan las fiestas de identidad en los pueblos coloniales, por lo que

no dudan en arrendar sus bienes comunales a terceros, españoles en este caso, a fin de obtener los ingresos que les permitirán celebrar a sus santos y realimentar su identidad; los indios parecen tener suficientes recursos para obtener bienes de subsistencia pues pueden arrendar la parte del monte que no utilizan y en rigor no disputan la posesión de tierras productivas. Este trabajo busca, como hipótesis, mostrar esto de manera directa y, como corolario, podremos concluir que ni la parcialidad de Calimaya ni la de Tepemaxalco parecen faltar de recursos de sobrevivencia –el contexto geográfico nos ayudará en esto–; si acaso producían bienes para el mercado habría sido para comprar bienes *suntuarios* que consumían en sus fiestas.

Contexto geo-histórico del asentamiento vertical de los pueblos

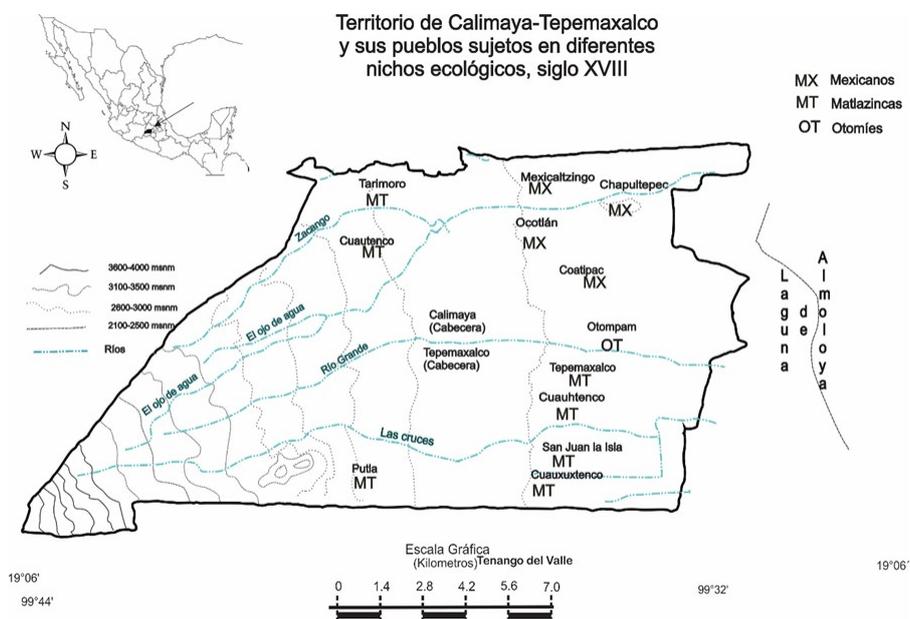
Las tierras de Calimaya y Tepemaxalco están ubicadas en las faldas orientales del volcán Xinantecatl; el territorio formaba un trapezoide irregular, estrecho al suroeste, y distribuido en un plano inclinado de oeste a este, desde los 4578 msnm hasta los 2600 msnm, donde los límites extremos son, al oeste, la falda del volcán y, al este, la laguna de Almoloya. Lo anterior, como se ve en el Mapa 1, implica que el territorio de estos pueblos se distribuye en cuatro subregiones geo-económicas: la más alta, en la parte suroccidental, correspondía a bosque, un 25 por ciento de tierras boscosas y pastizales; un 65

VECTOR POLÍTICO-PRO N° 1-2 2017
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

por ciento dedicado sólo a la agricultura; finalmente 10 por ciento del territorio, perteneciente a 7 pueblos, con tierras agrícolas pero también con acceso directo a la laguna de Almoloya, que establece el límite este de todo el territorio. De estos

7 pueblos, 2 hablaban náhuatl, 1 otomí y 4 matlatzinca; de los 6 pueblos restantes, incluida la cabecera con sus dos parcialidades, cuya actividad económica debió ser fundamentalmente agrícola, 2 hablaban náhuatl y los otros 4 matlatzinca.

Mapa 1.

Fuente: Elaborado* a partir de INEGI, Prontuario de información geográfica municipal de los Estados Unidos Mexicanos, claves geo-estadísticas 15018; y de García Castro, René y Susana García Hernández (2016: 88).

El valle de Toluca "ha sido siempre un cruce de pueblos" con altos índices demográficos desde la antigüedad (Albores, 2000: 104). La laguna de

Xinantécatl favoreció el establecimiento de pueblos ribereños a una altitud de alrededor 2,300 msnm, desde el pasado mesoamericano. El origen de los habitantes de Calimaya y Tepemaxalco es matlatzinca de acuerdo a Rosaura Hernández, Pedro Carrasco y Gerardo González quienes mencionan que en 1478 el gobernante mexica Axayacatl conquistó a los

* Agradecemos a Ana Bertha Juárez el trabajo de elaboración.

VECTOR POLÍTICO-PRO N.º 1-2 2017 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

matlatzincas, otomíes y mazahuas e impuso asentamientos mexicanos en el valle de Toluca. Otro tanto harían los españoles; dada la alta densidad demográfica, las unidades productivas españolas instaladas eran de pequeña y mediana propiedad donde los dueños gozaban de mano de obra numerosa por los asentamientos indios cercanos.

Los pueblos de Calimaya contaban con considerable población india y poca presencia española dentro de sus términos debido a que en el siglo XVI se dieron en encomienda al conquistador Juan Gutiérrez Altamirano en 1536, a quien no le convenía que se asentaran españoles. En cambio, en el territorio de Calimaya convivieron tres de los cuatro grupos prehispánicos: los mexicanos, ubicados en Mexicaltzingo, Chapultepec, Coatipac (La Concepción) y Ocotlán (San Andrés); los otomíes vivían en Otompan (San Antonio la Isla); los matlatzincas, que fueron el grupo mayoritario, habitaban –además de en la propia cabecera– en Tarimoro (Santa María Nativitas) y Cuauhtenco (San Lorenzo). En la parte del antiguo territorio de Tepemaxalco habitaban sólo matlatzincas distribuidos en cinco localidades, sin contar su cabecera: Putla (San Francisco), Cuaxuxtenco (Santiago), San Lucas (Tepemaxalco), Santa María la Asunción (Cuauhtenco) y San Juan La Isla (Loera, 2006: 51-

52). Constaté en el Mapa 1 la distribución territorial de estos pueblos y sus sujetos: uno y otro pueblo se asientan verticalmente –a diferentes altitudes–. Es decir, como pueblos, uno y otro, acceden a los cuatro tipos de recursos: tierras agrícolas, bosque, pastos para su ganado menor y acceso a productos acuíferos puesto que la mitad de sus sujetos bordean la laguna de Almoloya. Por otro lado, Calimaya es pluriétnico –matlatzincas, mexicanos y un sujeto otomí– al tiempo que ocupa también los cuatro nichos ecológicos. De cualquier manera, en torno a la tesis de que no les habrían faltado bienes de consumo, está el hecho siguiente: según un expediente de composición de tierras, ambos pueblos contaban con suficientes recursos productivos. Calimaya doce veces más que el fundo legal, Tepemaxalco ocho veces más*. Por estas demasías, en la mencionada composición, pagarían sólo 100 y 50 pesos en lugar de 1520 y 970, respectivamente. En efecto, de acuerdo a la composición que ambos pueblos realizaron de sus tierras sobrantes en 1718, las tierras que Calimaya poseía eran 30 caballerías, de las cuales 24 eran laborías de *pan llevar*–o sea, las consideradas como de riego–; la presencia de corrientes de agua que descienden de las faldas del volcán, según se ve en el Mapa 1, explica esa calificación de las tierras. Las 6

* El fundo legal se componía de 2.5 caballerías y durante el siglo XVIII los pueblos exigieron esa base mínima de tierra (Oweneel, 1998: 223).

VECTOR POLÍTICO-PRO N.º 1-2 2017
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

caballerías restantes eran montuosas o barrancosas. Se le reconocieron 8 caballerías como propias en razón de ser cabecera, tenía 22 de sobra: 16 laborías y 6 montuosas. El avalúo de las tierras fue de 80 pesos las primeras y 40 las del monte. Tepemaxalco por su parte tenía 20 caballerías de tierra, todas laborías. Por ser cabecera, como a Calimaya, se les reconocieron 8, quedando en demasía 12 caballerías, todas de *pan llevar*; valuadas en 80 pesos cada una. La tierra medida y valuada sólo correspondía a las cabeceras, no a sus pueblos sujetos (AGN, Tierras, Vol. 1441, Exp. 4).

Como se ve, esta distribución de asentamiento vertical de diferentes nichos ecológicos permitía a ambos pueblos obtener de la laguna de Almoloya recursos acuíferos y patos en la estación más fría, cereales en tierras agrícolas, pastos para sus ovejas, leña y caza menor en las faldas del volcán. De la misma manera, esto facilitaba el acceso diversificado de los distintos grupos étnicos a los diferentes nichos cuyos productos, llegado el caso, podían intercambiar intra e interétnicamente o, incluso, interregionalmente, por ejemplo, con los pueblos de las tierras más al sur, de clima cálido. La presencia de cuatro pueblos mexicas en la parcialidad de Calimaya, junto a 3 comunidades matlatzincas, puede explicarse por la conquista mexicana a mediados del siglo XVI. La presencia de un pueblo otomí siembra algunas preguntas que

deberán ser respondidas documental o arqueológicamente: ¿estaban ahí como enclave desde tiempos prehispánicos antiguos o después de la conquista del valle por los mexicas o sólo desde la conquista española, qué función cumplían frente a otros pueblos otomíes, cómo explicar su presencia relativamente aislada de territorios propiamente otomíes? García Castro (1999) ha demostrado que los territorios de los pueblos indios o señoríos del valle de Toluca se traslapaban, es decir, que los territorios de los pueblos no implicaban exclusiones lineales rígidas como las fronteras nacionales de hoy. Sin duda, esto les permitía compartir el acceso a diversos recursos, para lo cual establecían seguramente alianzas interétnicas. En nuestro estudio –el poblamiento de Calimaya-Tepemaxalco– hemos constatado este traslape territorial que se convierte incluso en la conformación interétnica de pueblos indios, antiguos señoríos; esto refleja el Mapa 1.

Conflictos entre Calimaya y Tepemaxalco por el monte

La revisión de un expediente acerca de un conflicto entre dos pueblos vecinos, Tenango y Tlacotepec, durante los años de 1559 a 1562, nos permite inferir la fuerza de la tradición de los pueblos sobre la propiedad territorial y cómo, al menos en esta zona, la Conquista española no parecía haber modificado los límites de los pueblos; esto último se debió, tal vez, también a la pervivencia de su carácter de

VECTOR POLÍTICO-PRO N° 1-2 2017 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

encomendados –inicialmente de Cortés– hasta el siglo XVII. Tepemaxalco se vio envuelto en el citado conflicto sobre las mojoneras que dividían a los tres pueblos y el derecho de posesión que tenían sobre el monte de las faldas del volcán Xinantécatl. El argumento usado por los tres pueblos implicados, Tenango, Tlacotepec y Tepemaxalco, fue que se debía respetar las mojoneras que el gobernante mexica Axayacatl colocó durante su mandato. La Real Audiencia mandó realizar la vista de ojos y tomar declaración de testigos ajenos a los pueblos en el pleito, y colocar las mojoneras correspondientes en los límites de cada pueblo, tomando en cuenta las colocadas por el tlatoani mexica años atrás. A cada pueblo se le reconoció las tierras que poseía y se otorgaron los títulos correspondientes. El 30 de octubre de 1562 fue recorrido el territorio limítrofe de Tepemaxalco y se le dio una Real Provisión que amparó a los indios en la posesión de los recursos naturales que estaban dentro de su territorio (AGN, Tierras, vol. 2688, exp. 2, fs. 67-68). Tepemaxalco utilizará el título obtenido cuando sostiene un litigio con Calimaya en 1744 por la posesión del monte: prueba que siempre defendieron su identidad como pueblos aunque se dijera, cuando convenía, parcialidades de una misma cabecera.

Apegados al marco jurídico español, los naturales buscaron los mecanismos idóneos para litigar por sus bienes, en ocasiones

con documentos que demostraban sus derechos ancestrales sobre la tierra, en otras inventando títulos u otros documentos falsos (Jalpa, 2008: 114). Según Woodrow Borah (1985: 139), los pueblos lucharon por límites entre sí más que contra los hacendados.

Los litigios que Calimaya y Tepemaxalco sostuvieron se debieron al usufructo por los recursos del agua, pastos y leña de las faldas del Xinantécatl. Los dos momentos del litigio fueron en 1744 y en 1794. En 1774 Calimaya entabla litigio porque los de Tepemaxalco habían retenido a un indio que cortaba leña en tierras del segundo pueblo. El expediente deja ver el antecedente directo de la detención del campesino y su burro, más el castigo corporal infligido al presunto infractor: indios de Calimaya habían impedido –probablemente desde sus tierras montuosas– que el curso de algún río corriera hacia las tierras de Tepemaxalco. La sentencia determina, por un lado, que los de Tepemaxalco no deben ser molestados en su posesión por los de Calimaya, pues han demostrado los títulos que ampara a Tepemaxalco; por otro, sentencia que ambos pueblos comparten posesión común y son conminados a convivir en paz (AGN, Tierras, vol. 1515, exp. 4, fs. 6-24v)*. Esta sentencia se sustenta en una aparente verdad: los dos pueblos comparten el mismo territorio por tener una misma cabecera. En realidad, reiteradamente se afirma en los documentos de los

VECTOR POLÍTICO-PRO N.º 1-2 2017 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

litigantes que se trata de dos pueblos indios –señoríos prehispánicos diversos–, aunque compartan iglesia; hay una línea imaginaria –o tal vez el mismo Río Grande– que divide el propio edificio de la iglesia y se extiende de este a oeste, desde el volcán Xinantécatlhasta la laguna de Almoloya: al norte de esa línea se halla el territorio de Calimaya y sus sujetos; al sur el de Tepemaxalco (cfr. Mapa 1). El expediente muestra que hay un diferendo de origen no necesariamente económico pero que se refleja en este ámbito: los de Calimaya obstruyen a Tepemaxalco ciertos accesos al agua; Tepemaxalco obstruye el acceso a la leña de sus bosques. No peleaban por recursos económicos escasos, según declararon los propios testigos de Calimaya–a conveniencia propia –, en el recurso de sentencia: Calimaya y Tepemaxalco habían gozado de igual manera la posesión de las aguas y del monte para cortar leña, porque eran "un mismo pueblo, distinguido sólo por los gobiernos y que habían gozado de tierras, montes y aguas porque eran *abundantísimas* y no se habían perjudicado ni uno ni otro hasta un año atrás que Tepemaxalco pidió un amparo para justificar su posesión" y les impidió el goce de las aguas y el corte de leña.

El siguiente expediente de litigio da cuenta de que Tepemaxalco arrendó el monte a

individuos españoles desde 1775 sin participar de los beneficios a los de Calimaya, por 96 pesos anuales. El expediente, de 1794 (AGN, Tierras, vol. 2541, exp. 1), aunque incompleto revela que, nuevamente a conveniencia, Calimaya demanda ser partícipe de dicha renta y del usufructo del bosque para recoger leña, bajo el argumento de conformar un mismo pueblo. No se tiene noticia del fallo de la Real Audiencia en torno al asunto, aunque se puede vislumbrar que la resolución fuera semejante a la de 1744.

Estos arrendamientos de tierras de los pueblos a indios o a españoles surgieron desde el primer siglo del dominio colonial. Hubo regulaciones desde 1571 y 1572 y se requería la autorización judicial, anuncio público durante treinta días y subasta pública para las tierras que valieran más de treinta pesos. En 1603, una ordenanza virreinal añadió el requerimiento de que antes de empezar los treinta días de proclamación pública, una investigación estableciera que las tierras verdaderamente pertenecían al arredador y que le quedaría lo suficiente para su sustento (Borah, 1985: 148). Las contribuciones económicas que los pueblos indios obtenían del monte se debían introducir en la caja de comunidad para solventar los gastos religiosos como las fiestas de Semana Santa, la de Corpus, y la del Santo patrón del lugar, y los

* El 22 de septiembre de 1744 Tepemaxalco apeló porque no estuvo de acuerdo con la resolución que se dio (AGN, Tierras, vol. 1515, exp. 4, fs. 6-24v). No se sabe si la Real Audiencia volvió a abrir el caso pues no se menciona este asunto sino hasta 1794, cuando vuelven a entrar en conflicto las dos parcialidades.

VECTOR POLÍTICO-PRO № 1-2 2017
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

gastos de comunidad (Tanck, 1999, 290, 295).

Igualmente, con el fin de aumentar los ingresos monetarios de las cajas de comunidad de los pueblos, los Borbones impulsaron la política de arrendamiento de las tierras sobrantes en 1770, no sin advertir que se debía guardar un sobrante para emergencias. En el mismo espíritu, en julio de 1760 Carlos III mandó ordenar los propios (propiedades) y arbitrios (impuestos) de las ciudades, villas y lugares de sus dominios. No obstante, los pueblos daban absoluta prioridad—como constatamos en este estudio— a la celebración del santo patrón, símbolo principal de cada pueblo. La magnificencia de las celebraciones buscaba mostrar la riqueza económica, la organización comunitaria y el liderazgo político del gobierno indio. En el caso de Tepemaxalco, el dinero del arrendamiento del monte de 1777, que fue por 96 pesos, se usó para realizar un retablo colateral de la iglesia del pueblo que costó 80 pesos (AGN, Tierras, Vol. 1664, Exp. 12, Fs. 19- 28.).

El arrendamiento del que habla el expediente de 1785 se había hecho a españoles ajenos a la comunidad desde 1755. El litigio se entabla contra el alcalde mayor, asentado en Tenango, por querer arrendar el bosque comunal de Tepemaxalco a un español amigo suyo, sin consentimiento de los indios; éstos dieron sucesivos argumentos: que les pagaría menos de lo justo, que durante el arriendo les impediría pastar a sus rebaños, que había

españoles vecinos del propio pueblo que pagarían más por el arriendo, que el Alcalde mayor había arrendado al comerciante español José Ortiz "su recomendado" sin consentimiento de ellos, que ellos preferían no arrendarle e ingresarían a la caja de la comunidad lo necesario, que el proceso de pregón había sido irregular... El Alcalde contrargumentó diciendo que los indios habían estado mal aconsejados pues no querían sujetarse a las superiores determinaciones, prueba de lo cual era que las cajas, tras los años de 1779 a 1786, debían contener la cantidad de 6000 pesos, y eso no era así. El alcalde mayor se salió con la suya, aunque reponiendo el proceso de pregón —por orden de la Real Audiencia— donde su amigo, a pesar de todo, mejoró en 50 pesos su oferta previa y en 20 pesos la oferta de los vecinos españoles —al ofrecer 175 pesos anuales— y aceptó que dejaría pastar los rebaños de los indios (AGN, Tierras, Vol. 1664, Exp. 12). El resultado del litigio no fue del todo negativo para los indios y obtendrían el ingreso anual para sus festividades.

A manera de conclusión

La política de congregación no pudo unir dos pueblos con identidad prehispánica propia. Los naturales de Calimaya y Tepemaxalco conservaron su identidad y el reconocimiento legal de las tierras de cada uno de los pueblos por separado a lo largo de todo el periodo colonial. Sin embargo, los pueblos eran capaces de invocar las leyes a su

VECTOR POLÍTICO-PRO N° 1-2 2017 PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

favor de acuerdo a las coyunturas. Calimaya—argumentando ser un pueblo congregado junto a Tepemaxalco—, buscaba gozar de las tierras y montes de éstos, sobre todo del dinero por el arrendamiento del bosque: ¿para que su fiesta, que celebraba el mismo día que la de Tepemaxalco—San Pedro y San Pablo— no fuera menos *lucida*?

Por otro lado, se confirma que tanto el arrendamiento del monte de Tepemaxalco como los reclamos de Calimaya muestran que los pueblos buscaron ingresos extras para costear sus fiestas, en especial la del santo patrón, como una forma de alimentar su identidad: no litigan por acceder a recursos escasos, según hemos constatado por declaración de los propios indios. En efecto, con apoyo en el contexto geohistórico expuesto, consideramos demostrada nuestra hipótesis: estos pueblos indios contaban con suficientes medios de subsistencia—incluso tras la recuperación demográfica del siglo XVIII— pues habían conservado sus tierras tras la conquista española. Además, habían refuncionalizado sus montes para obtener más proteína animal que por el pasado*, conservando el

control de los nichos ecológicos correspondientes a la agricultura, la pesca y la caza, a través de asentamientos diversificados e, incluso, interétnicos. La obtención de bienes en los diferentes nichos podría haberles facilitado tanto el intercambio como el trueque o—llegado el caso— la venta contra moneda a fin de obtener bienes que sólo se adquirirían en el mercado monetario español. Los litigios analizados reflejan la importancia de realimentar la identidad de los pueblos, sobre todo a través de sus festividades, identidad que reproducían desde tiempos prehispánicos. El siglo XIX vería un reacomodo político territorial: las cabeceras Tepemaxalco y Calimaya se convertirían en un solo municipio, al tiempo que ambos perderían pueblos sujetos; Tepemaxalco perdió a sus 5 sujetos, Calimaya conservó 4 de 7; de los 8 *independizados* se convirtieron en 4 muy pequeños municipios y 2 se anexaron al municipio de Tenango. En la historia de la humanidad, los pueblos viven entre tensiones, tendencias centrípetas y centrífugas, mestizajes e intercambios socioétnicos.

* ¿De cuándo data el avance de la frontera agrícola que hoy muestra el paisaje de Calimaya? La arqueología, documentos y fotogramas deberán ayudarnos a retrasar la historia dinámica de esa frontera: el bosque convertido en pastos, los pastos en tierras agrícolas donde los cereales europeos alcanzan mejor prospección por ser más resistentes a las bajas temperaturas de esa altitud, consumir menos agua y permitir, con riego, dos cosechas al año.

VECTOR POLÍTICO-PRO № 1-2 2017
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

Bibliografía

1. Ibores Zárata, Beatriz, 2000. "Territorio, sociedad y cultura en el Valle de Toluca", en Guadalupe Zamudio y José María Aranda Sánchez (coord.) *Valle de Toluca, devenir social y cultural*, CISCyH, Uaemex, Toluca, México, pp. 3-29.
2. Borah, Woodrow, 1985. *El juzgado general de indios en la Nueva España*, México, FCE.
3. Carrasco, Pedro, 1996. *Estructura político y territorial del imperio tenochca. La triple alianza de Tenochtitlán, Tetzcoaco y Tlacopan*, México, FCE/ El Colegio de México.
4. Farris, Nancy M. 1992. *La sociedad maya bajo el dominio colonial. La empresa colectiva de la supervivencia*, Madrid, Alianza Editorial.
5. García Castro, René y Susana García Hernández, 2016. "La conquista y la colonización españolas en la cuenca alta del Lerma" en Sugiura Yamamoto, Yoko et alii (coords.), *La cuenca de alto Lerma: ayer y hoy*. FOEM, Toluca.
6. García Martínez, Bernardo, 2004. *El desarrollo regional y la organización del espacio, siglos XVI al XX*, México, UNAM/Océano.
7. Gerhard, Peter, 1977. "Congregaciones de indios en la Nueva España antes de 1570" en *Historia Mexicana*, Vol. XXVI no. 3.
8. González Reyes, Gerardo, 2005. *Pueblos y comunidades en la vertiente sur del Chicnahuitécatl, siglos XV- XVIII*, Tesis doctoral, México, El Colegio de México.
9. Hernández Rodríguez, Rosaura, 1988. *El valle de Toluca, época prehispánica y siglo XVI*, Toluca, México, El Colegio Mexiquense/ H. Ayuntamiento de Toluca.
10. Iracheta, Pilar, 2006. "Agua y conflicto en la región centro de Toluca, época colonial (siglo XVIII)" en Francisco Lizcano et. al (coordinadores) *Memoria del segundo simposio sobre historia, sociedad y cultura de México y América Latina*, Toluca, México, UAEMéx/UNAM.
11. Jalpa Flores, Tomás, *Tierra y sociedad*. 2008. *La apropiación del suelo en la región de Chalco durante los siglos XV-XVII*, México, INAH.
12. Jarquín, María Teresa, 1994. *Congregaciones de pueblos en el Estado de México*, México, El Colegio Mexiquense.
13. Loera, Margarita, 2006. *Memoria india en templos cristianos. Historia política en los templos de San Antonio la Isla y San Lucas Tepemaxalco*, México, INAH
14. Menegus, Margarita, 1994. *Del señorío indígena a la república de indios. El caso de Toluca 1500-1600*, México, Conaculta.
15. Mentz, Brígida von, 1988. *Pueblos de indios, mulatos y mestizos 1770-1870. Los campesinos y las transformaciones protoindustriales en el poniente de Morelos*, México, CIESAS.
16. Oweneel, Arij, 1998. "Del Tlahtocayotl al Gobernadoroyotl. Gobierno indígena en el Anahuac del siglo XVIII" en Arij Ouweenel, *Ciclos interrumpidos. Ensayos sobre historia rural mexicana, siglos XVIII-XIX*, El Colegio Mexiquense, Zinacantepec.

VECTOR POLÍTICO-PRO N° 1-2 2017
PROBLEMAS COMPLEJOS DE LA POLÍTICA CONTEMPORÁNEA

17. Tanck de Estrada, 1999. *Pueblos de indios y educación en el México colonial, 1750-1821*, El Colegio de México.

18. Wood, Stephanie, 1998. "La comunidad indígena del siglo XVII: aspectos corporativos" en María Teresa Jarquín (coord.) *Historia general del Estado de México*. Tomo 3. Época virreinal, México, Gobierno del Estado de México/El Colegio Mexiquense/Tribunal Superior de Justicia/ LIII Legislatura del Estado de México.

Fuentes documentales

1. Archivo General Agrario, exp. 276.1/972,
2. Archivo General de la Nación, Ramo Tierras: vol. 2688, exp. 2; Vol. 1515, exp. 4; vol. 1664, exp. 12; vol. 2541, exp. 1.

УДК 327.8

Приходько О.К. СГ-339

Студенческие обмены как инструмент российской культурной дипломатии в отношениях с Китаем с 1949 г. по настоящее время

Государство осуществляет свою внешнюю политику и защищает национальные интересы с помощью различных инструментов. В последнее время многие государства стали активно пользоваться инструментами культурной дипломатии для достижения внешнеполитических целей. Неотъемлемой частью культурной дипломатии являются студенческие обмены. Данная статья посвящена российско-китайским студенческим обменам с 1949 г. по настоящее время. Автор проводит анализ российско-китайских студенческих обменов, уделяя внимания истории их развития, специфике их современного состояния, проблемам, с которыми сталкивается Россия в привлечении китайских студентов.

Ключевые слова: культурная дипломатия, студенческие обмены, российско-китайские отношения

Приходько О.К., магистрантка
направления «Политология»
Южно-Уральского государственного университета

Prikhodko O.K.

Student Exchanges as an instrument of Russian cultural diplomacy in relations with China from 1949 to the present

The state pursues its foreign policy and protects national interests using various instruments. Recently, many states began to actively use the tools of cultural diplomacy to achieve foreign policy goals. Student exchanges are an integral part of cultural diplomacy. This article is devoted to Russian-Chinese student exchanges from 1949 to the present. The author analyzes the Russian-Chinese student exchanges, paying attention to the history of their development, the specifics of their current state, the problems that Russia faces in attracting Chinese students.

Keywords: cultural diplomacy, student exchanges, Russian-Chinese relations

Prikhodko OK, masters of the direction "Political Science" of the South Ural State University

Prikhodko, O.K.

Intercambios estudiantiles Como un instrumento de cultura rusa diplomacia en las relaciones con China desde 1949 hasta el presente

El estado persigue su política exterior y protege los intereses nacionales a través de diversos instrumentos. Recientemente, muchos estados comenzaron a utilizar activamente las herramientas de la diplomacia cultural para alcanzar objetivos de política exterior. Los intercambios de estudiantes son una parte integral de la diplomacia cultural. Este artículo está dedicado a los intercambios de estudiantes ruso-chinos desde 1949 hasta el presente. El autor analiza los intercambios de estudiantes ruso-chinos, prestando atención a la historia de su desarrollo, los detalles de su estado actual, los problemas que enfrenta Rusia para atraer a los estudiantes chinos.

Palabras claves: diplomacia cultural, intercambios de estudiantes, relaciones ruso-chinas

Prikhodko OK, maestros de la dirección "Ciencias Políticas" de la Universidad Estatal del Sur de los Urales

Культурная дипломатия, как один из инструментов мягкой силы государства, способствует достижению внешнеполитических целей государства. Эффективность культурной дипломатии зависит не только от факторов, которые оказывают на нее влияние, от акторов, определяющих цели культурного воздействия, но и от инструментов, при помощи которых эти цели достигаются.

Одним эффективных средств культурной дипломатии является студенческий обмен. С момента установления дипломатических отношений СССР стал использовать это средство для распространения культурного влияния на КНР. В настоящее время Россия сталкивается с большой конкуренцией в сфере студенческих обменов с КНР.

Проблема заключается в том, что, обучаясь в странах Запада, китайские студенты перенимают и западную культуру, английский язык, что становится почвой для дальнейшего сотрудничества с Западом в различных сферах: в сфере культуры и науки, экономики и торговли, политики. В нынешней политической обстановке Россия не может потерять такого партнера как Китай, поэтому необходимо приложить максимальные усилия для привлечения китайских студентов в Россию.

Целью исследования является изучение динамики развития российско-китайских студенческих обменов как инструмента культурной дипломатии и выявление причины снижения попу-

лярности российского высшего образования среди китайских студентов

Российско-китайские студенческие обмены имеют длительную историю. Еще в конце 1940-х гг. были установлены первые межвузовские контакты: 66 китайских вузов обменивались научными материалами с 85 советскими вузами, китайские и советские вузы сотрудничали по 124 совместным проектам [21]. Советские специалисты также выступали научными руководителями китайских студентов и аспирантов, читали лекции, вели семинары. В 1951 г. на учебу в Советский Союз было отправлено 375 человек, включая 10 сотрудников Академии Наук КНР. С 1952 г. осуществлялась ежегодная отправка китайских студентов на учебу в СССР. Только в 1956 году на учебу в СССР выехало 1800 китайских студентов и аспирантов [10]. С 1951 по 1957 гг. каждый год в Китай возвращалось больше тысячи китайских выпускников советских вузов [13]. Всего в 1950-х гг. в Советском союзе прошло обучение более 10 тыс. китайских студентов [1]. Многие получили творческие профессии. Вернувшись на родину, они знакомили своих соотечественников с советской культурой.

В конце 1950-х–начале 1960-х ряд идеологических, военно-политических причин обусловил резкое ухудшение советско-китайских отношений, в связи с чем сократилось количество студенческих обменов. В годы культурной революции (1966–1967 гг.) граждане КНР, обучав-

шиеся в СССР и имевшие научные связи с Советским Союзом, подвергались жестким репрессиям. Это также стало одной из причин сокращения образовательного обмена. В 1961 году в СССР еще обучалось около 900 китайских студентов, постепенно число китайских студентов стало равно нулю. В 1970-х и начале 1980-х в советско-китайский студенческий обмен не проводился [6]. Причиной послужила жесткая антисоветская пропаганда внутри КНР.

В начале 1980-х гг. идеологический фактор вновь обусловил трансформацию советско-китайских отношений, в том числе и в области культурных обменов. Советско-китайские отношения снова стали развиваться в условиях идеологической близости двух стран (проведение политики реформ; общий тезис о многообразии путей построения социализма), что положительно сказывалось на советско-китайской культурной дипломатии.

Однако проведение Китаем политики открытых дверей во взаимоотношениях с другими государствами привело к тому, что китайцы получили возможность обучаться не только в СССР, но и в других странах. С 1978 года китайские студенты начинают выезжать на учебу в США, Великобританию, Канаду, Японию [5]. Первый обмен студентами и стажерами между Китаем и СССР после длительного перерыва произошел в 1984 г. За 1985 год больше чем в два раза возросло число сту-

дентов «по обмену» (с 70 до 200 человек с каждой стороны) [16].

Сразу после распада Советского Союза культурной дипломатии в России стало уделяться все меньше и меньше внимания, так как усилия руководства страны были в первую очередь направлены на стабилизацию обстановки внутри страны. В связи с этим многие институты культурной дипломатии России в КНР пришли в упадок.

В самом начале 2000-х годов, с приходом к власти В.В. Путина, Россия вновь заявляет о необходимости развивать отношения с Китаем [20]. Этот внешнеполитический фактор положительно сказался на культурных контактах между Россией и Китаем (подписан ряд соглашений о сотрудничестве в сфере науки и культуры; проведен год России в Китае; в 2003 г. достигнута договоренность об открытии Российского центра науки и культуры в Китае; договоренности о студенческих обменах) [17]. Показателем нового уровня двусторонних отношений стал подписанный Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем КНР Цзян Цзэмином во время очередной встречи на высшем уровне в Москве в июле 2001 г. российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

Во многом благодаря такой политике и достигнутым договоренностям число китайских студентов в России стало постепенно расти.

* На основе данных, указанных в статье Арефьева А.Л. Китайские студенты в России // Высшее образование в России № 12, 2010 С. 54; Краснова Г. Российское образование на экспорт // ТАСС [Электронный ресурс] – URL: <http://tass.ru/opinions/1597477> Дата обращения 04.10.2017 ; Малыхин М. Студенты из Китая – вторые по численности иностранцы в российских вузах [Электронный ресурс] – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2015/08/11/604362-kitaiskie-studenti-rossiiskih-vuzah> Дата обращения 31.05.2017

Не смотря на это, большая часть китайской молодежи все-таки выбирает для получения образования такие страны как США (300 тысяч иностранных студентов из Китая или 50% общего количества китайских иностранных студентов), Великобританию (34%), Канаду (30%) и Австралию (22%)[18]. Россия не входит даже в десятку самых популярных стран для получения зарубежного образования китайскими студентами. В настоящее время на долю России

приходится только 1,5–2% китайских студентов, обучающихся за рубежом [8].

Согласно отчету американского Института международного образования, с 2007 г. китайские студенты стали главным источником роста численности иностранных учащихся в США (в 2011/2012 учебном году их доля составила 25,4%) [14].

Показательно сравнение численности китайских студентов, обучающихся в России и в США.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Учебный год	Кол-во китайских студентов в США, тыс.чел.	Кол-во китайских студентов в РФ, тыс.чел.
2004/05	62,5	12,5
2005/06	62,6	13,3
2006/07	67,7	15,4
2007/08	81,1	15,7
2008/09	98,2	17,3
2009/10	127,6	16,3
2010/11	157,5	16,6
2011/12	197,0	16,9
2012/13	235,6	
2013/14	274,4	16,3
2014/15	304,0	18,3
2015/16	328,5	22,5

* Данные по США: Number of college and university students from China in the United States between 2004/05 and 2015/16 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.statista.com/statistics/372900/number-of-chinese-students-that-study-in-the-us/> Дата обращения 12.10.2017; Данные по РФ: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы на 2012 год и плановый период 2013 и 2015 годов [Электронный ресурс] – URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/plans/details/59631/7/> Дата обращения: 14.10.2016; Китайские студенты занимают третье место по количеству среди иностранцев в вузах России [Электрон. ресурс] – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/text/2017-08/20/content_41442011.htm Дата обращения: 14.10.2016

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017 КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Западные университеты расматривают приток студентов из КНР как важный источник инвестиций. По официальным данным, объем расходов граждан КНР на обучение за рубежом ежегодно составляет более 39,7 млрд. долл. (250 млрд. юаней)[19].

Безусловно, количество китайских студентов, обучающихся в США, сильно зависит от межгосударственной политики в сфере образовательных обменов и от американо-китайских отношений. В связи с укреплением американо-китайских торгово-экономических связей число китайских студентов в США стало стремительно расти. Особенностью студенческих обменов между США и Китаем после 2000-х годов стала их массовая коммерциализация. Китайскому бизнесу были необходимы кадры, прошедшие обучение в США [1]. В связи с этим в Китае появилось множество компаний, которые оказывают поддержку, помогают подготовить документы, выучить английский язык для обучения в США.

Правительство США сделало ряд шагов для привлечения китайских студентов. Во-первых, упрощена процедура въезда и пребывания китайских студентов на территории США, предоставлены льготные условия для получения и продления виз, предоставлены возможности дальнейшего трудоустройства выпускников на работу в американских компаниях.

Одна из основных причин, почему граждане Китая так стремятся дать своим детям

американское образование, заключается в престижности и качестве американского образования. Это подтверждает "Рейтинг стран с лучшей системой высшего образования (Топ-50)" – QS SAFE National System Strength 2016 [3]. США занимает в этом рейтинге первое место, а Россия 26-ое.

Еще одной причиной выбора Западных университетов китайцами является то, что образование во многих западных высших учебных заведениях нацелено на развитие творческого потенциала, креативного и нестандартного мышления у своих студентов, тогда как в китайская система образования предполагает заучивание большого объема информации и оценку знаний при помощи тестирования и экзаменов. В Китае не хватает кадров, которые обладают творческим типом мышления, в том числе и в производственных компаниях. Поэтому, китайские студенты, прошедшие обучение в США, пользуются большим спросом среди китайских компаний, особенно, если эти компании осуществляют международную деятельность [4].

По данным китайских СМИ, Россию для получения образования выбирают лишь студенты, имеющие низкий балл аттестата, а также студенты из малообеспеченных семей [9]. Одной из причин, по которой китайские студенты не желают получить образование в России, является языковой барьер [9], ведь в период обострения советско-китайских отношений, преподавание русского языка в Китае

было практически прекращено. Лишь в северных и приграничных регионах Китая в школах есть возможность изучения русского языка. 91,3% студентов из стран Азии (включая Китай) до приезда в Россию изучали английский язык, и лишь 4,3% - русский [6]. Это является одной из причин, почему в Россию едут учиться студенты именно из этого региона Китая.

Российские ВУЗы привлекают китайских студентов, участвуя в международных образовательных выставках в Китае, запуская веб-сайты образовательного учреждения на китайском языке, размещая рекламу ВУЗа в китайских социальных сетях, сотрудничая с образовательными агентствами и китайскими вузами-партнерами. Но, по всей видимости, данные меры кажутся недостаточными для привлечения китайских студентов, и в использовании такого инструмента культурной дипломатии как студенческие обмены мы пока проигрываем нашим западным коллегам.

В последнее время активно развивается и междууниверситетское сотрудничество. Большим прорывом в культурной дипломатии стало создание российско-китайского университета в г. Шэньчжэнь (создатели – МГУ им. М.В. Ломоносова и Пекинский политехнический университет).

По данным российского образовательного ведомства, в настоящее время 200 российских и 600 китайских вузов уже установили партнерские отношения по стратегически важ-

ным для двух государств направлениям, заключив между собой 900 прямых договоров [11]. Однако к настоящему моменту не разработаны критерии оценки межвузовского сотрудничества. Зачастую партнерские отношения включают в себя ознакомительные беседы, презентации и редко доходят до практического взаимодействия, результаты которого можно оценить объективно.

Таким образом, мы можем заметить, что если СССР был практически монополистом в оказании образовательных услуг китайским студентам, обучавшимся за рубежом, то современная Россия не входит даже в десятку стран по количеству китайских студентов. Есть множество причин данного явления.

Во-первых, в середине 20 века в Китае действовали определенные идеологические и политические ограничения, не позволяющие проходить обучение гражданам КНР в капиталистических странах. Современная Россия имеет большую конкуренцию на мировом рынке образовательных услуг.

Во-вторых, взаимная интегрированность экономик КНР и США, постоянный рост товарооборота между странами обусловили высокий спрос в КНР на специалистов, получивших образование в США. Этот же фактор повлиял на то, что в Китае высокий спрос на специалистов со знанием английского языка, который сейчас занимает лидирующее положение среди иностранных языков, изучаемых в Китае.

В-третьих, российская система образования и российские ВУЗы занимают более низкие позиции в международных рейтингах. При выборе университетов для обучения за рубежом большинство китайцев ориентируются на рейтинги высших учебных заведений, поэтому выбор зачастую складывается не в пользу России.

В-четвертых, очень мало китайских студентов знает русский язык, поэтому многие из них опасаются языкового барьера.

В-пятых, американское правительство на государственном уровне поддерживает американо-китайский студенческий обмен путем предоставления различных льгот, возможности трудоустройства, миграционных послаблений и т.д.

И наконец, сами российские ВУЗы уделяют недостаточное внимание привлечению китайских студентов на обучение. Американские и британские

вузы не просто ждут, что к ним поедут учиться, а активно продвигают в КНР свои продукты высшего образования, раскручивают свои бренды. Пассивная позиция российских университетов на рынке образования приводит к падению их популярности, узнаваемости, переключению внимания студентов на вузы других стран, которые активно рекламируют себя [22].

В последнее время Россия начинает осознавать роль студенческих обменов и культурной дипломатии в международных отношениях. Уже сделан ряд шагов по популяризации русского языка и российского образования среди граждан КНР. Однако необходимо проделать большую работу по повышению престижа российского образования, адаптации образовательных программ для китайских граждан, разработке специальной миграционной политики для китайских студентов, обучающихся в России.

Библиографический список

1. Alison E. Bartel. The evolution of Chinese students' motivations to study abroad in the U.S. // University, Mississippi February, 2015. – С. 26.
2. Number of college and university students from China in the United States between 2004/05 and 2015/16 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.statista.com/statistics/372900/number-of-chinese-students-that-study-in-the-us/> Дата обращения 12.10.2017.
3. QS Higher Education System Strength Rankings 2016 [Электронный ресурс] – URL: <https://www.topuniversities.com/system-strength-rankings/2016>. Дата обращения 12.10.2017.
4. Rovnick Naomi. Why there's a boom in Chinese students attending US universities [Электронный ресурс] – URL: <https://qz.com/26408/so-why-do-western-companies-prefer-hiring-us-educated-chinese-to-work-in-asia/> Дата обращения 12.10.2017.
5. Zhang Junmian. Top 10 overseas study waves in Chinese history. 24 декабря 2011. [Электронный ресурс] – URL: http://www.china.org.cn/top10/2011-12/24/content_24220658.htm Дата обращения 12.10.2017.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

6. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Иностранцы студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований. – С. 201.

7. Арефьев А.Л. Китайские студенты России // Высшее образование в России. – 2010. – N 12. – С. 54.

8. Боревская Н.Е. Интернационализация российских вузов: китайский вектор // Российский совет по междунар. делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2013. – С. 43.

9. Борисов О.Б., Колосов Б.Т. Советско-китайские отношения 1945–1980-е гг. / О.Б. Борисов, Б.Т. Колосов. – М.: Мысль, 1980. – С. 70.

10. В Москве подписали Декларацию о создании Ассоциации университетов России и Китая // Министерство образования и науки РФ, 8 июля 2016 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.минобрнауки.рф/новости/8526> Дата обращения 31.05.2017.

11. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы на 2012 год и плановый период 2013 и 2015 годов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/plans/details/59631/7/> Дата обращения: 14.10.2016.

12. Капица М.С. Советско-китайские отношения. – М., 1958. – С. 379.

13. Китай лидирует по числу студентов, обучающихся в США – отчет / CNTV. 14 ноября 2012. URL: <http://www.cntv.ru/2012/11/14/ART11352876332265626.shtml> Дата обращения 20.09.2017.

14. Китайские студенты занимают третье место по количеству среди иностранцев в вузах России. [Электрон. ресурс]. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-08/20/content_41442011.htm Дата обращения: 14.10.2016.

15. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – С. 21.

16. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона. Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – С 170–171.

17. Названы Топ-10 стран зарубежного образования китайских студентов. 06.06.2017. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.south-insight.com/node/217709?language=ru> Дата обращения 20.06.2017.

18. Отчет EOL.China о тенденциях отправки на учебу за рубеж в 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eol.cn/html/lx/baogao2013/page1.shtml> Дата обращения 04.10.2017.

19. Путин В.В. Интервью китайской газете «Жэньминь жибао», китайскому информационному агентству Синьхуа и телекомпании РТР. 16 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24168>. Дата обращения 23.09.2017.

20. Сотрудничество между СССР и КНР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://evestnik-mgou.ru/>

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

vipuski/2013_2/stati/pdf/orlov.pdf. Дата обращения 15.09.2016.

21. Щепин К. В академическом отпуске. Россия сдала позиции на рынке образования КНР, но обещает вернуться // Российская газета Спецвыпуск № 5995 (19). [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2013/01/31/student.html> Дата обращения 12.10.2017.

References

1. Alison E. Bartel. The evolution of Chinese students' motivations to study abroad in the U.S. // University, Mississippi February, 2015. S.26

2. Number of college and university students from China in the United States between 2004/05 and 2015/16 [Elektronnyy resurs]. URL <https://www.statista.com/statistics/372900/number-of-chinese-students-that-study-in-the-us/> Data obrashcheniya. 12.10.2017.

3. QS Higher Education System Strength Rankings 2016 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.topuniversities.com/system-strength-rankings/2016> Data obrashcheniya 12.10.2017.

4. Rovnick Naomi. Why there's a boom in Chinese students attending US universities [Elektronnyy resurs]. URL: <https://qz.com/26408/so-why-do-western-companies-prefer-hiring-us-educated-chinese-to-work-in-asia/> Data obrashcheniya 12.10.2017.

5. Zhang Junmian. Top 10 overseas study waves in Chinese history. 24 dekabrya 2011. [Elektronnyy resurs]. URL http://www.china.org.cn/top10/2011-12/24/content_24220658.htm Data obrashcheniya 12.10.2017.

6. Aref'ev A.L., Sheregi F.E. *Inostrannye studenty v rossiyskikh vuzakh*. [Foreign students in Russian universities]. Moscow, S. 201.

7. Aref'ev A.L. *Kitayskie studenty Rossii* [Chinese students in Russia]. Vysshee obrazovanie v Rossii, 2010. 12. S. 54.

8. Borevskaya N.E. *Internatsionalizatsiya rossiyskikh vuzov: kitayskiy vektor* [Internationalization of Russian universities: the Chinese vector]. Moscow, 2013. S. 43.

9. Borisov O.B., Kolosov B.T. *Sovetsko-kitayskie otnosheniya 1945–1980* [Soviet-Chinese relations 1945–1980]. Moscow, 1980. S. 70.

10. *V Moskve podpisali Deklaratsiyu o sozdanii Assotsiatsii universitetov Rossii i Kitaya* [Moscow signed a Declaration on the establishment of the Association of Universities of Russia and China]. URL <http://www.minobrnauki.rf/novosti/8526> Data obrashcheniya 31.05.2017.

11. *Doklad o rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Federal'noy migratsionnoy sluzhby na 2012 god i planovyy period 2013 i 2015 godov*. [Report on the results and main activities of the Federal Migration Service for 2012 and the planning period 2013 and 2015]. URL <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/plans/details/59631/7/> Data obrashcheniya: 14.10.2016.

12. Kapitsa M.S. *Sovetsko-kitayskie otnosheniya* [Soviet-Chinese relations]. Moscow, 1958.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

13. *Kitay lideruet po chislu studentov, obuchayushchikhsya v SShA – otchet* [China leads the number of students studying in the US - a report]. URL <http://www.cntv.ru/2012/11/14/ART11352876332265626.shtml> Data obrashcheniya 20.09.2017.

14. *Kitayskie studenty zanimayut tret'e mesto po kolichestvu sredi inostrantsev v vuzakh Rossii* [Chinese students rank third in the number of foreigners in Russian universities]. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-08/20/content_41442011.htm Data obrashcheniya: 14.10.2016.

15. Larin V.L. *V teni prosnuvshegosya drakona. Rossiysko-kitayskie otnosheniya na rubezhe XX–XXI vekov* [In the shadow of the awakened dragon. Russian-Chinese relations at the turn of the 20th and 21st centuries]. Vladivostok, 2006. S. 21.

16. Larin V.L. *V teni prosnuvshegosya drakona. Rossiysko-kitayskie otnosheniya na rubezhe XX–XXI vekov* [In the shadow of the awakened dragon. Russian-Chinese relations at the turn of the 20th and 21st centuries]. Vladivostok, 2006. S 170–171.

17. *Nazvany Top-10 stran zarubezhnogo obrazovaniya kitayskikh studentov*. 06.06.2017. [Top 10 countries of foreign education of Chinese students are named]. URL: <https://www.south-insight.com/node/217709?language=ru> Data obrashcheniya 20.06.2017.

18. *Otchet EOL.China o tendentsiyakh otpravki na uchebu za rubezh v 2013 g.* [EOL.China report on the tendencies of sending to study abroad in 2013]. URL <http://www.eol.cn/html/lx/baogao2013/page1.shtml> Data obrashcheniya 04.10.2017.

19. *Putin V.V. Interv'yu kitayskoy gazete «Zhen'min' zhibao», kitayskomu informatsionnomu agentstvu Sin'khua i telekompanii RTR. 16 iyulya 2000 g.* [Interview with the Chinese newspaper People's Daily, the Chinese news agency Xinhua and the RTR television company. July 16, 2000]. URL <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24168>. Data obrashcheniya 23.09.2017.

20. *Sotrudnichestvo mezhdru SSSR i KNR v kontse 1940-kh – nachale 1950-kh gg.* [Cooperation between the USSR and the PRC in the late 1940–early 1950]. URL http://evestnik-mgou.ru/vipuski/2013_2/stati/pdf/orlov.pdf. Data obrashcheniya 15.09.2016.

21. *Shchepin K. V akademicheskom otpuske. Rossiya sdala pozitsii na rynke obrazovaniya KNR, no obeshchaet vernut'sya* [In academic holidays. Russia has surrendered its position in the Chinese education market, but promises to return]. Rossiyskaya gazeta Spetsvypusk № 5995 (19). URL <https://rg.ru/2013/01/31/student.html> Data obrashcheniya 12.10.2017.

УДК 327.8

Трапезникова Ю.В., Батурин Л.М.,

Гибридная война как инструмент достижения мирового господства

В статье рассматриваются сущность, истоки и методы ведения гибридной войны, приводятся примеры ее использования во внешней политике США и стран НАТО, а также показано значение гибридной войны для борьбы с неудобными США политическими режимами, передела сфер влияния и достижения мирового господства.

Ключевые слова: глобализация, гибридная война, идеологически-информационное пространство, мировое господство, управляемый хаос, цветные революции, «арабская весна», информационная война, «мягкая сила»

Трапезникова Ю.В. – студентка социально-гуманитарного института ЮУрГУ по направлению «Политология»

Батурин Л.М., кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социология и политология» Южно-Уральского государственного университета.

Trapeznikova Yu.V., Baturin LM,

Hybrid war as an instrument achieve world domination

The article deals with the main points, sources and methods of hybrid warfare, it gives the examples of its use in foreign policy of the USA and the NATO countries, shows the importance of hybrid wars for struggling against the regimes the USA considers unsuitable, for revising the spheres of influence and achieving world-wide domination.

Keywords: globalization, hybrid war, ideology-information area, world-wide domination, controlled chaos, color revolution, "Arabic spring", information war, "soft power".

Trapeznikova Y.V. is a student of the Institute of Humanity of South Ural State University, specializing in political science.

Baturin Leonid Mikhailovich is a Candidate of Historical Science (1987), an associate professor of the Sociology and Political Science department of South Ural State University.

Trapeznikova Yu.V., Baturin L.M.

La guerra híbrida como instrumento alcanzar la dominación mundial

El artículo discute la esencia, los orígenes y los métodos de conducir una guerra híbrida, ejemplos de su uso en política exterior de Estados Unidos y países de la OTAN, así como la importancia de una guerra híbrida para combatir los regímenes políticos estadounidenses no deseados por Estados Unidos, la redistribución de esferas de influencia y el logro de la dominación mundial.

Palabras-claves: globalización, guerra híbrida, espacio de información ideológica, dominación mundial, caos controlado, revoluciones de color, "primavera árabe", guerra de información, "poder blando"

Trapeznikova Yu.V. - estudiante del Instituto Social y Humanitario de SUSU en el campo de la "Ciencia Política"

Baturin LM, candidato de ciencias históricas, profesor asociado del departamento "Sociología y Ciencias Políticas" de la Universidad Estatal del Sur Ural.

На протяжении последних 10 лет на мировой арене усилилось противостояние сильнейших мировых держав за рынки сбыта, нефтегазовые ресурсы, транспортные артерии и сферы влияния. На сегодняшний день сохраняется напряженность в отношениях между Россией и США, конфронтация усилилась после выступления В. В. Путина на конференции по безопасности в Мюнхене, где было сказано, что Российская Федерация выступает за полицентричный мировой порядок и будет продолжать проводить независимую внешнюю политику [1].

Об изменении геополитической обстановки говорят и тексты военно-политических документов: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации", в котором отмечается, что политика США, направленная на сдерживание России, предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [2]. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 года, так же отмечала, «что американская сторона в своих действиях на мировой арене должна строго руководствоваться нормами международного права, прежде всего Устава ООН, включая принцип невмешательства во внутренние дела других государств» [3].

В мировом пространстве возрастает количество вооруженных конфликтов, появляются новые очаги нестабильности, при достижении национальных интересов возрастает роль силы, но в последнее десятилетие начинают активно использоваться и «нетрадиционные» методы, такие, как экстремистские и террористические группировки, информационное и экономическое давление. Так в XXI веке возник новый тип противостояния, в ходе которого появился термин «Гибридная война».

На сегодняшний день термин «Гибридная война» (англ. hybrid warfare) трактуется как ведение военных действий против какого-либо государства с использованием традиционных (силовых) и нетрадиционных (несиловых) способов. Это определение довольно абстрактно, в последние пять лет понятие «гибридная война» получило большое распространение и используется как в выступлениях государственных деятелей, так и в работах представителей средств массовой информации, но словосочетание не успело приобрести устойчивый смысл, это привело к тому, что различные авторы наполняют рассматриваемый термин по своему усмотрению, так часто к гибридной войне относят нечестную и лицемерную «мирную политику», готовность пойти на обман, подлость, желание ввести в заблуждение противника с целью достижения своих интересов в той или иной области. Поэтому необходимо обратиться к первоисточникам, чтобы понять, ка-

кой смысл вкладывался в термин «гибридная война» изначально.

Впервые концепция ведения «гибридной войны» была озвучена генералом Джеймсом Н. Мэттисом в сентябре 2005 г. на Конференции по обороне, проводимой Институтом ВМС США и Ассоциацией Корпуса морской пехоты. Тогда же Хоффманом и Мэттисом была издана совместная статья «Война будущего: расцвет гибридных войн» (Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars) [4].

Позднее было дано определение «гибридной угрозы», которое относилось к ней любого противника, который одновременно и в зависимости от ситуации использует в оперативном боевом пространстве сочетание традиционных, нетрадиционных средств, терроризм и преступные организации, может представлять собой не единого субъекта, а сочетание государственных и негосударственных субъектов [5].

В настоящий момент информационно – идеологическое пространство является доминирующим для получения или сохранения мирового господства, в котором наибольшее значение имеют институты и технологии управления массовым сознанием [6]. Цель гибридной войны – полная или частичная дезинтеграция государства, качественное изменение его внутри- или внешнеполитического курса, замена государственно-го руководства на лояльные режимы, установление над страной внешнего идеологического

и финансово-экономического контроля, ее хаотизация и подчинение диктату со стороны других государств или ТНК.

Важное значение имеют и геополитические интересы, в рамках которых военные действия разворачиваются на территориях, имеющих важное экономическое значение, между мировыми державами происходит борьба за энергетические ресурсы, рынки сбыта и транспортные артерии. При ведении гибридной войны размываются границы, отделяющие войну от других форм политического, экономического или идеологического противостояния, происходит пренебрежение нормами морали и ответственности, используется искажение фактов, фальсификация истории.

Гибридная война распространяется на самые различные сферы общественной жизни – политическую, экономическую, социальную, культурную. Угрозы гибридной войны делят на: традиционные, нестандартные и террористические. Традиционные угрозы связаны с использованием стандартного оружия.

Во многих войнах принимают участие как регулярные, так и нерегулярные подразделения, но при классическом ведении войны, регулярные и нерегулярные подразделения имеют разную структуру, а в гибридных войнах разница между такими подразделениями размывается. Кроме того, государства могут придавать своим регулярным вооруженным силам статус

нерегулярных военизированных формирований и применить новую тактику.

В комплексе гибридных войн используются и нестандартные типы угроз. В. А. Владимиров в своей работе «Основные направления развития традиционных и нетрадиционных средств ведения войны и защиты от них» дает им такое определение. Невоенные средства насилия - это совокупность социальных институтов (организаций), правовых норм, духовных ценностей, информации и технических систем общего назначения, используемых государством для воздействия на внутренние и внешние отношения с целью укрепления военной безопасности страны, решения политических, экономических и иных проблем в противоборстве с другими государствами. К невоенным средствам насилия относятся политико-дипломатические, правовые (международные и внутригосударственные), экономические, идеолого-психологические, информационные, гуманитарные. Активность криминальных элементов также, по мнению Хоффмана, является частью проблемы ведения гибридных войн, так как она служит большей дестабилизации местных органов власти, содействует нерегулярным вооруженным формированиям посредством снабжения их ресурсами, проводя подрывные действия, расшатывающие государственную власть и законность.

Также к способам ведения гибридной войны относят деятельность террористических

организаций, радикальных политических движений и экстремистски настроенных националистических и сепаратистских течений. Опасность деятельности террористов заключается в том, что они чаще всего не образуют единую линию фронта, а смешиваются с основным населением, распространяя панику. Их задача – парализовать жизнедеятельность города, максимально дестабилизировать обстановку в стране.

Активно применяются стратегия непрямых действий и использование подходов теории хаоса и управляемого хаоса в международной политике и деятельность по смене политических режимов в различных странах, подготовка и осуществление "цветных революций". Это и концепция сетцентрической войны, при которой все участники боевых действий (командование, военная техника, живая сила) объединены в единую информационную сеть, и обращение к идее заставить чужие правительства работать на свои интересы (концепция стабилизации/дестабилизации дружественных режимов).

Важной особенностью цветных революций является то, что их концепция эффективна только в обществах, ориентированных на западные либеральные ценности и психологию индивидуализма, шаблонная идеология «цветных революций» не работает в традиционных восточных обществах: на Востоке, где сохранился общинный и родовой уклад жизни, интересы отдельной личности – ничто, а интересы общины – все.

«Цветные революции» в классическом виде и любые их разновидности – это технологии информационно-психологического управления международными конфликтами, предполагающие в том числе их искусственную инициацию.

В современных конфликтах технологии информационно-психологического воздействия применяются в рамках четырех доминирующих культурно-цивилизационных моделей: англосаксонской, восточноазиатской, ближневосточной (исламской) и романо-германской (западноевропейской), каждая из которых стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира. Каждая модель имеет свои характерные особенности.

В англосаксонской модели происходит принудительная трансформация политической системы оппонента, который должен принять «демократические институты». При этом используются как методы силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции», «борьба с международным терроризмом»), так и методы несилового воздействия («мягкая сила», «бархатные революции»). Англосаксонская модель базируется на протестантском мировоззрении и этике успешности, полезности конечного результата.

Восточноазиатская модель ставит цель в длительном процессе интеграции политических систем и ценностей конфликтующих сторон в собственную

систему политических отношений, при этом растворяется национальная идентичность политических систем более слабых участников.

Ближневосточная (исламская) модель видит процесс разрешения конфликтов за счет расширения ареала исламского мира и распространения влияния исламской идеологии. Деление мира по религиозному принципу возрождает дух религиозных войн, джихада, который включает в себя как мирные средства регулирования международных конфликтов, так и вооруженную борьбу за веру. Несмотря на то, что политические лидеры некоторых мусульманских стран выступают за поиск взаимопонимания между христианскими и мусульманскими странами и народами не путем взаимного отрицания ценностных установок, а путем заимствования (обмена) культурных и технологических достижений.

Романо-германская модель исходит из того, что процесс разрешения конфликтной ситуации заключается в изменении взглядов его участников, преимущественно принятием устоявшихся в этой цивилизации господствующих этических норм и стереотипов. Эта модель психологического воздействия на конфликты не ставит задачу путем прямого вмешательства изменить политические системы его участников, а стремится управлять сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах – участниках конфликта, а также сознанием различных слоев местного населения

и международной общественности, побуждая их воспринимать конфликт в соответствии с предлагаемым им образом конфликта, то есть смотреть на конфликт глазами европейского сообщества [8].

Цель любой специальной психологической операции – обеспечить добровольную подчиняемость представляющего интерес человека, с тем чтобы впоследствии свободно и без каких-либо ограничений использовать его в своих целях. Гибридная война по своей сущности является пропагандистским конструктом, формирующим общественное мнение и поддержку по всему миру, опираясь на которую можно расширять свое влияние в различных регионах. Постоянные потоки информации в печатных и электронных СМИ, направленные на негативную оценку деятельности какого-либо недружественного государства, позволяют легитимизировать в глазах мировой общественности кратковременные и долговременные негативные акции, направленные на экономическую сферу противника, например, вытеснение государства с международных торговых рынков.

В настоящее время технологии гибридных войн большей популярностью используются в США и странах НАТО. К ним относятся финансово-экономическое давление, силовое принуждение, «цветные революции», терроризм, но главная роль у информационного воздействия, борьба ведется за умы людей, поддержку среди

населения. Сценарий ведения гибридной войны универсален. Если какая-либо страна отвергает западные ценности, то организовывается «цветная» революция с целью установления прозападного режима.

Если власть активно сопротивляется попыткам ее свержения, тогда используются силовые операции, которые могут включать как прямое военное вторжение, так и активизацию деятельности оппозиционно настроенных по отношению к власти движений, которые при помощи США и НАТО свергают неугодный Западу режим. Схожее мнение высказал и президент Российской Федерации В. В. Путин 22 июля 2014 г. на заседании Совета Безопасности России: «Неугодные режимы, страны, которые проводят независимую политику или просто стоят на пути чьих-то интересов, дестабилизируются. Для этого в ход идут так называемые «цветные революции», а если называть вещи своими именами – просто государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне. Конечно, упор делается на проблемы внутри стран» [9].

Проведение любой «цветной революции» проходит в несколько этапов, подготовительный этап занимает наибольшее количество времени, его главная цель – мобилизовать все силы, которые должны быть использованы при осуществлении революции. Для этого налаживаются контакты с внутренней оппозицией государства, которая позже выступит в качестве субъекта

переворота, к ней относятся различные «независимые правозащитные организации», «борцы за права человека», защитники прав сексуальных меньшинств, члены этих объединений часто являются политически ангажированными, участвуют в различных акциях и оппозиционных митингах, они пытаются обратить внимание общественности на угнетенное положение женщин, гомосексуалистов в России, но вне их поля зрения остаются аналогичные проблемы в Саудовской Аравии и Катаре и других странах.

Большое внимание уделяется лицам, которые должны занять ключевые посты в государственных органах после «революции». Для успешного проведения операции необходимо провести работу с политической элитой и представителями правоохранительных органов, которые смогут парализовать деятельность центральных органов государства. Проведение «цветной революции» невозможно без предательства правящей элиты. Партии могут иметь различную направленность, но их объединяет противодействие власти, лидеры партий начинают действовать в интересах США после вербовки американскими дипломатами.

У «оппозиции» нет общей идеологии, и она не предлагает никакой альтернативы существующему режиму. Кроме того, происходит формирование полувоенных формирований, состоящих из молодежи (16–30 лет), поиск которой осуществляется через социальные сети.

Наиболее активно в уличных протестных движениях участвуют образованные молодые люди: студенты, журналисты, так называемые блогеры, фотографы, то есть все те, кто является поклонником западного образа жизни и которые ведут активную деятельность в виртуальном пространстве. Беспорядки устраивают маргинальные и люмпен-пролетарские слои, они создают основную массу уличных бойцов, боевиков антиправительственных вооруженных отрядов. Радикализация характерна для малообразованных, безработных, нищих слоев населения, маргиналы становятся удобным оружием в чужих руках [10].

Неотъемлемой частью любой «демократической революции» является финансирование оппозиционных сил через общественные американские фонды, несмотря на миллионные затраты, США считают, что проведение любой «цветной революции» обходится намного дешевле, чем свержение неудобных режимов вооруженным путем, после которого необходимо восстанавливать разрушенную войной экономику.

Наиболее частым поводом для начала протестов в рамках «революции» служит обвинение государственных органов в фальсификации результатов выборов, например, как это было во время «оранжевой революции» на Украине в 2004–2005 гг. после победы В.Ф. Януковича по результатам второго тура президентских выборов, которая и вызвала массовые протесты, поддерживаемые

оппозиционными силами западной и центральной областей страны.

Успешность подобных кампаний объясняется нерешительностью действий лидеров, которые в ходе «революций» опасаются предпринимать действия, которые могут изменить расстановку сил в их пользу, также имеет определенное значение страх начала гражданской войны и раскола общества. Это приводит к смене политических элит и образованию нового правительства, которое максимально использует все доступные ресурсы с целью устранения оппонентов с политической арены. «Прозападно» ориентированные элиты позволяют США влиять на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Интересно, что власти США не отрицают свою причастность к организации «цветных революций». Так, на выступлении в мае 2005 г. в Международном республиканском институте в Вашингтоне Дж. Буш-младший заявил, что армия США борется не только с международным терроризмом, но и выполняет "менее заметную, но чрезвычайно важную роль: помогает людям в других странах строить гражданские институты на руинах репрессивных режимов". Для поддержки развития демократии в зарубежных странах необходимо было выделить около \$1,3 млрд, потому что свержение "диктаторских режимов" является национальными интересами США. 18 мая 2005 г. Дж. Бушем был создан так называемый «Корпус активного реаги-

рования» («Corpus of active development and reaction»), главной задачей которого является «продвижение демократии» по всему миру. На эти цели в 2006 году в бюджете США предусмотрены 124 млн. долл. Данными средствами будет распорядиться недавно созданное в структуре Госдепартамента США Управление по реконструкции и стабилизации [11].

Сценарии осуществления «цветных революций» можно посмотреть на примере военных конфликтов, произошедших в Ираке, Ливии и Сирии. Иракская война. В начале XXI в. США сделали все возможное, чтобы восстановить контроль над Ближним Востоком, так как в 70-е годы их влияние в данном регионе ослабло, это было связано с созданием ОПЕК и последовавшей национализацией нефтяной промышленности, также важную роль сыграл нефтяной кризис 1973 г., в результате которого цены на нефть увеличились в несколько раз. Национальные интересы США, касающиеся нефти, логичны, так как ископаемое топливо остается основным мировым энергоресурсом.

Таким образом, американская операция в Ираке, произведенная 20 марта 2003 г., вызвана стремлением установить контроль над местной нефтью, которая составляла более 9% мировых запасов. Официальной причиной вторжения была озвучена иначе, а именно цель военной кампании – принести в страну демократию и рыночную экономику. В 2002–2003 гг. при

помощи СМИ американское правительство пыталось убедить мировую общественность в том, что режим Саддама Хусейна опасен для всего международного сообщества, неоднократно поднимались темы разработки оружия массового поражения, сотрудничество лидера страны с террористическими организациями, прежде всего с Аль-Каидой.

Для свержения неугодного режима активно использовались лозунги борьбы с терроризмом и экстремизмом, США было выгодно, чтобы ислам ассоциировался в сознании людей с чем-то опасным и неуправляемым, так, появилось идеологическое обоснование военных действий, властями США утверждалось, что после смены правительства, установления демократических ценностей население Ирака успешно будет жить в условиях рыночной экономики, в действительности это означало доминирование западных ТНК в данном регионе.

Также в Ираке с успехом используется террористическая деятельность как одна из составляющих гибридной войны, подрывы нефтепроводов также выгодны не только США, но и другим странам-экспортерам нефти на Ближнем Востоке.

Нестабильность в стране также обусловлена этноконфессиональными противоречиями между суннитами и шиитами. Так как до вмешательства США сунниты несмотря на меньшинство были основной частью политической элиты Ирака, война

обеспечила приход к власти шиитов. В настоящее время в Ираке продолжается гражданская война, то есть смерть Саддама Хусейна не привела к обещанному процветанию.

18 декабря 2010 г. мир узнал о феномене «Арабской весны», который сопровождался революциями и гражданскими войнами в таких арабских странах, как Тунис, Египет, Йемен, Ливия и Сирия, также в Алжире, Ираке, Судане, Ливане, Кувейте и др. странах прошли массовые протесты. Оппозиционеры выступали против действующей власти, проводили митинги, демонстрации, использовали СМИ для создания необходимых общественных настроений. К маю 2012 г. восстания привели к смене власти в четырех государствах: Тунисе, Египте, Ливии и Йемене, ухудшению экономического положения этих стран, усилению позиций радикальных экстремистов.

Характерным примером использования концепции гибридной войны стала операция НАТО в Ливии, которая проходила с марта по октябрь 2011 г. Для обоснования своих действий была использована резолюция Совета Безопасности ООН, официальной целью являлось вмешательство в гражданскую войну в Ливии для обеспечения защиты местных жителей, при этом санкционировалось использование любых средств и мер, кроме пребывания иностранных оккупационных сил на территории страны.

Главной стратегической целью выступала ликвидация ли-

вийского лидера Муаммара Каддафи, который стремился проводить независимую от Запада политику, например, к числу непростительных поступков Каддафи относят строительство ирригационной системы, что бы привело к постепенному развитию экономики, также лидер оказывал сопротивление и решил, что треть доходов от продажи нефти должна оставаться в Ливии, США не простили и идею создания panaфриканской валюты, обеспеченной золотом.

Поставленная цель была достигнута благодаря участию вооруженных отрядов внутренней оппозиции, которые координировались спецслужбами Великобритании, США и Франции. После ликвидации Каддафи операция в Ливии была свернута, при этом озвученные до вмешательства задачи, касающиеся защиты местного населения, введения эмбарго на поставки оружия, не были выполнены, в результате военного вмешательства в стране сохраняется нестабильная ситуация, вызванная борьбой за власть между различными кланами и группировками. Ливия фактически утратила статус единого суверенного государства.

Гражданская война в Сирии. Конфликт был вызван стратегической задачей США, которая заключалась в утверждении у власти на территории от Алжира до Сирии исламистской организации «Братья мусульмане», цель должна была быть достигнута через ряд операций по смене режимов в Сирии, Ливии, Египте и Йемене. Из этого сле-

дует, что все революции «Арабской весны» были организованы для смены сирийского режима, но стратегия потерпела поражение из-за широкой общественной поддержки президента Сирии Башара Асада и содействия со стороны РФ, Россия развернула в Сирии военную операцию по просьбе действующей легитимной власти.

Президент Сирии выступил против подчинения страны мировому гегемону, к тому же на территории Сирии должен был заканчиваться трубопровод, который бы начинался в Иране и проходил через Ирак, это привело бы к изменению баланса сил на Ближнем Востоке, США и странам Европы был бы нанесен огромный ущерб, поэтому США делают все возможное, чтобы этот проект не был реализован. Это повлекло создание ИГИЛ в непосредственной близости от предполагаемого прохождения трубопровода. В основном сирийское общество является моноэтническим, не было явных предпосылок к тому, что население выступало против действующей власти. Поэтому для реализации концепции гибридной войны возникла необходимость миграции большого количества радикально настроенных людей на территорию Сирии.

В Сирии американское правительство не могло использовать социально-экономический дисбаланс, так как до 2011 г. Сирия демонстрировала рост национальной экономики [12]. В стране не было проблемы, заключающейся в большом раз-

рыве между благосостоянием городского и сельского населения, несмотря на то, что сельская местность занимает большую часть территории, основная часть сирийского населения проживает на западе страны в густонаселенном коридоре «Север - Юг», на него и был направлен этап, включающий «цветную» революцию. Нестандартные формы ведения войны предпочтительнее использовались в сельской местности. Так, пока постоянная армия пыталась обеспечить порядок в западной части Сирии, отряды террористов совершали быстрые наступательные операции вдоль пустынь, где и смогли создать «Исламское государство».

Кроме этого, в 2007-2010 гг. в Сирии была затяжная засуха, что отразилось на экономическом состоянии крестьян, что позже и было использовано Западом в политических целях, также в восточных районах страны увеличился приток беженцев-суннитов из Ирака, а в Сирии управляет меньшинство алавитского вероисповедания, которое имеет больше сходств с шиизмом. На сегодняшний день война за власть в Сирии продолжается, США выступают против правления Башара Асада.

Таким образом, все государства, в которых прошли «цветные революции», в настоящий момент находятся в глубоком социально-экономическом кризисе. Ирак и Ливия больше не являются суверенными государствами. В Сирии попытка проведения переворота провалилась, но на территории стра-

ны уже несколько лет идет гражданская война.

Отсутствие государственной идеологии, разложение политической элиты, высокая восприимчивость части интеллигенции, студентов и молодежи к западным ценностям, либеральное отношение к антигосударственным оппозиционным силам резко повышают вероятность проведения «цветных революций» на территории суверенных государств.

В последнее десятилетие произошло резкое усиление интеграционных процессов, стирание национальных границ, которые приводят к созданию глобальной цивилизации, которая влечет за собой установление общепринятых стандартов в различных областях жизни общества. Изначально глобализация рассматривалась как явление, по большей части, имеющее экономический характер, однако, глобализационные процессы являются всеохватывающими, оказывающими влияние на многие сферы общественно-политической жизни.

Можно сказать, что концепция гибридной войны – это закономерный результат глобализации, которая привела к размыванию границ традиционных норм ведения войны в связи с нецелесообразностью использования силовых методов противостояния, приводящих к нанесению ущерба национальным интересам государства-агрессора. Поэтому в современных условиях главную роль играет информационное воздействие, при помощи которого органи-

зовывается «цветная революция», устанавливающая прозападный режим.

Использование при ведении гибридной войны теорий «управляемого хаоса» и «цветных революций» преследует цель нарушения стабильности государств, усиления роста деструктивного потенциала внутренней оппозиции, а также установления мирового господства.

Президент РФ В.В. Путин в своей статье ««Быть сильным: гарантия национальной без-

опасности России», опубликованной 20 февраля 2012 г., указывал: «Мир меняется... На наших глазах вспыхивают все новые региональные и локальные войны. Возникают зоны нестабильности и искусственно подогреваемого, управляемого хаоса... Мы видим, как девальвировались и разрушались базовые принципы международного права. Особенно в сфере международной безопасности» [13].

Библиографический список

1. Владимир Путин. Хватит с нас однополярного мира! // Аргументы и факты. – 2007. – № 7. – <http://www.aif.ru/archive/1662276>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"// Российская газета. – 2015. – <https://rg.ru/2016/01/20/grant-dok.html>.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. – http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186.
4. Mattis J.N., Hoffman F.G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars [Электронный ресурс] / J. N. Mattis, F. G. Hoffman // US Naval Institute Proceedings Magazine. – November 2005. – <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>.
5. Конференция "Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века" // Информационно-аналитический журнал "Политическое самообразование". 06.03.2015. – <http://www.lawinrussia.ru/node/335340/>.
6. Robertson R. Globalization. – L., 1998, p. 8.
7. Владимиров В.А. Основные направления развития традиционных и нетрадиционных средств ведения войны и защиты от них // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2014. – Том 4. – № 2. – С. 99–134.
8. Манойло А. «Финиковые революции»: стихия или «управляемый хаос»? // Международная жизнь. – 2011. – № 5. – С. 69–70.
9. Заседание Совета Безопасности, 22 июля 2014 г. – <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46305>.
10. Шарков Ю. Разные одинаковые «Цветные революции» // Международная жизнь. – 2008. – № 5. – С. 132–133.
11. Буш: США направили на поддержку демократии за границей \$4,6 миллиарда. – <https://ria.ru/politics/20050519/40378427.html>.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

12. Балуевский Ю.Н. Новые смыслы военной доктрины. – 2014, – <https://topwar.ru/62298-novye-smysly-voennoy-doktriny.html>.

References

1. Vladimir Putin. *Khvatit s nas odnopolyarnogo mira!* [Enough from us a unipolar world!]. *Argumenty i fakty*. 2007. 7. <http://www.aif.ru/archive/1662276>.

2. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31 dekabrya 2015 goda N 683 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii"* [Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. *Rossiyskaya gazeta*. 2015. <https://rg.ru/2016/01/20/grant-dok.html>.

3. *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii. Utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V.V. Putinyam 12 fevralya 2013 g.* [Concept of foreign policy of the Russian Federation. Approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on February 12, 2013]. http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptlCk6B6Z29/content/id/122186.

4. Mattis J.N., Hoffman F.G. Future Warfare. The Rise of Hybrid Wars. *US Naval Institute Proceedings Magazine*. November 2005. <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>.

5. Konferentsiya "Gibridnye voyny v khaotiziruyushchemsya mire KhKhI veka" [Conference "Hybrid Wars in the Chaotic World of the 21st Century"]. *Informatsionno-analiticheskiy zhurnal "Politicheskoe samoobrazovanie"*. 06.03.2015. – <http://www.lawinrussia.ru/node/335340/>.

6. Robertson R. *Globalization*. L., 1998, p. 8.

7. Vladimirov, V.A. *Osnovnye napravleniya razvitiya traditsionnykh i netraditsionnykh sredstv vedeniya voyny i zashchity ot nikh* [The main directions for the development of traditional and non-traditional means of warfare and defense against them]. *Strategiya grazhdanskoj zashchity: problemy i issledovaniya*. 2014. 4. 2. S. 99–134.

8. Manoylo A. «Finikovye revolyutsii»: stikhiya ili «upravlyaemyj khaos»? [“The date revolutions”: the elements or “controlled chaos”?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2011. 5. S. 69–70.

9. *Zasedanie Soveta Bezopasnosti, 22 iyulya 2014 g.* [Meeting of the Security Council, 22 July 2014]. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46305>.

10. Sharkov Yu. *Raznye odinakovyje «Tsvetnye revolyutsii»* [Разные одинаковые «Цветные революции»]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2008. 5. S. 132–133.

11. Bush: SShA napravili na podderzhku demokratii za granitsey \$4,6 milliarda. [Bush: US sent \$ 4.6 billion to support democracy abroad]. <https://ria.ru/politics/20050519/40378427.html>.

12. Baluevskiy Yu.N. *Novye smysly voennoy doktriny*. [New Meaning of Military Doctrine]. 2014, <https://topwar.ru/62298-novye-smysly-voennoy-doktriny.html>.

УДК 316.334.0

Ноздрина Н.А.

К вопросу о современных представлениях о политическом конфликте

Статья посвящена современным идеям политического конфликта. Главная причина политических конфликтов в современной России связана со стратегией и тактикой перераспределения государственной собственности и власти, что определяет их остроту и ведет к социально-экономической и политической нестабильности и напряженности во всех сферах общества.

Ключевые слова: конфликт, политический конфликт, причина конфликтов, социально-экономическая нестабильность, политическая нестабильность.

Доцент, к.п.н., Брянский Государственный Технический Университет, nozdri-
na.natalye@mail.ru, 8-910-239-27-00

Nozdrina N.A.

To the question of contemporary ideas about political conflict

Article is devoted to the modern ideas of a political conflict. The main reason of political conflicts in modern Russia is connected with strategy and tactics of redistribution of a state property and the power that defines their sharpness and conducts to socially-economic and political instability and tension in all spheres of society.

Keywords: conflict, political conflict, the cause of conflict, socio-economic instability, political instability.

Nozdrina Natalia Alexandrovna
Associate Professor, Ph.D., Bryansk
State Technical University, nozdri-
na.natalye@mail.ru, 8-910-239-27-00

Nozdrina N.A.

A la pregunta de las representaciones Modernas en conflicto político

El artículo está dedicado a las ideas modernas de conflicto político. La causa principal de los conflictos políticos en la Rusia moderna se asocia con la estrategia y las tácticas de redistribución de la propiedad y el poder del Estado, lo que determina su severidad y conduce a la inestabilidad y la inestabilidad socioeconómica y política en todas las esferas de la sociedad.

Palabras-claves: conflicto, conflicto político, causa de conflicto, inestabilidad socioeconómica, inestabilidad política

Profesor Asociado, Ph.D., Universidad Técnica del Estado de Bryansk, nozdrina.natalye@mail.ru, 8-910-239-27-00

Современные представления о политическом конфликте – это результат длительной эволюции идей о конфликтах в сферах общественной жизнедеятельности. Теории конфликтов в основном сложились в XIX–XX веках, их авторы выражали три основных подхода к пониманию и роли конфликтов в обществе:

первый – признание принципиальной неизбежности и неустранимости из жизни, ведущей роли конфликтов в общественном развитии; это направление представляют Г. Спенсер, Л. Гумплович, К. Маркс, Г. Моска, Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг, М.А. Бакунин, П.А. Лавров, В.И. Ленин и др.;

второй – неприятие конфликтов, проявляющих себя как войны, революции, классовая борьба, социальные эксперименты, признание их аномалиями общественного развития, вызывающими нестабильность, нарушение равновесия в социально-экономической и политической системах; сторонниками данного направления являются Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, В.С. Соловьев, М.М. Ковалевский, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин, И.А. Ильин;

третий – рассмотрение конфликта в качестве одного из многих видов социального взаимодействия и социальных контактов наряду с конкуренцией, солидарностью, кооперацией, партнерством; выра-

зители этого направления Г. Зиммель, М. Вебер, Р. Парк, Ч. Миллс, Б.Н. Чичерин и др. [3].

Реальная жизнь намного сложнее любых схем и предполагает такое взаимодействие индивидов, групп, организаций, институтов, в процессе которого имеют место сотрудничество, соперничество, несовпадение интересов, ценностей, ненависть, борьба, конфликт. Роль конфликтов в том, что они наиболее остро сигнализируют власти и обществу о возникающих разногласиях, противоречиях и стимулируют практические действия по своевременному преодолению имеющихся проблем.

Политическая наука значительно внимание уделяет поиску форм, методов, средств контроля за протеканием конфликта, выработке эффективных технологий управления им. При многообразии субъектов конфликта, их целей и позиций управление конфликтом предполагает решение ряда общих задач:

а) предупредить возникновение конфликта, либо воспрепятствовать его разрастанию и распространению;

б) вывести скрытые, неявные, латентные конфликты в открытую форму с целью уменьшения опасности внезапного развития неконтролируемых процессов;

в) локализовать социально-психологическое возбуждение, вызываемое политиче-

ским конфликтом, не допустить его распространения на другие сферы общества;

г) учесть многочисленные внутренние и внешние факторы: степень открытости политической системы, уровень сплоченности конфликтующих групп, их силу, характер вовлеченности населения в конфликт, эмоциональные аспекты поведения лидеров и их сторонников, а также культурно-исторические, социально-экономические, этно-национальные и другие особенности общества [1].

Решение указанных задач конкретизируется в соответствии с основной установкой – либо на урегулирование, либо на разрешение конфликта. Урегулирование предполагает снятие остроты противоборства сторон с целью избежания негативных последствий конфликта. Однако, причина конфликта не устраняется, тем самым сохраняется вероятность нового обострения уже урегулированных отношений. Разрешение конфликта предусматривает исчерпание предмета спора, изменение ситуации и обстоятельств, которое бы приводило к отношениям партнерства и исключало бы опасность рецидива противостояния.

В процессе управления конфликтом важно учитывать этап его формирования и развития. Конфликт не возникает сразу. Причины его

накапливаются, зреют очень длительное время. Объективно существующие противоречия могут привести к конфликту лишь в случае их осознания субъектами (лидерами, партиями, группами и т.п.). Будущий конфликт зарождается в атмосфере напряженности в отношениях между оппозиционными сторонами, что свидетельствует о наличии предмета спора и конкуренции, несовпадении позиций. Это этап возникновения конфликта. На данном этапе важно выявить подлинные причины конфликта, тем самым вскрыть противоречие, лежащее в его основе, установить определенные нормы и правила взаимодействия сторон. Такой анализ может способствовать введению конфликта в рамки, позволяющие контролировать его ход и развитие.

Этап развития конфликта характеризуется проявлением сил, поддерживающих конфликтующие стороны или противостоящие им. Становятся очевидными границы конфликта, его интенсивность и напряжение. Особенно велико напряжение конфликтов по поводу ценностей, связанных с нравственностью, представлениями о чести и достоинстве. Эффективность действий властей на этапе развития конфликта определяется их способностью законными методами обеспечить снижение напряженности в отношениях

сторон и поворот их к примирению позиций [4].

Этап окончания конфликта – наиболее сложная фаза, так как от результата окончания противоборства зависит новая расстановка сил в обществе. Возможны два варианта окончания конфликта: достижение примирения сторон либо их непримиримость, то есть неразрешимость конфликта. Примирение, в свою очередь, может носить характер полного или частичного урегулирования конфликта. Конфликт может разрешиться сам собой, например, из-за утраты актуальности предмета спора, усталости участников, истощения ресурсов и т.п. Выделим два наиболее общих пути примирения сторон:

Мирное разрешение конфликта включает такие пути и методы:

а) достижение компромисса на основе сохранения исходных позиций;

б) соглашение, основанное на взаимных уступках; истощение ресурсов одной или нескольких сторон, что делает невозможным продолжение конфликта;

в) обретение в процессе противоборства взаимоуважения сторон, понимания прав и интересов соперника.

Примирение на основе принуждения, в основе которого:

а) явное превосходство сил и ресурсов с одной стороны и их дефицит с другой;

б) изоляция одной из сторон, понижение ее статуса, а также другие состояния, свидетельствующие об ослаблении ее позиций, о поражении;

в) уничтожении противника, в результате чего мир устанавливается в отсутствие врага [2].

Наиболее распространенным методом достижения примирения сторон являются переговоры. В процессе переговоров стороны обмениваются мнениями, что снимает остроту противостояния, помогает понять интересы оппонента, более точно оценить соотношение сил, условия примирения, выявить суть взаимных претензий, альтернативные ситуации, ослабить «нечестные трюки» соперника. Таким образом, переговорочный процесс включает соблюдение специальных правил, приемов, позволяющих каждой из сторон добиться поставленных целей через принятие решений, обеспечить их выполнение и воспрепятствовать обострению постконфликтных отношений. Переговоры – ритуал, отражающий соотношение сил. Наиболее эффективным методом их проведения является соглашение на основе компромисса. Это особо актуально в тех случаях, когда срыв переговоров будет иметь для конфликтующих сторон неблагоприятные последствия [5].

Многочисленные конфликты и конфликтные ситуации – реальность современного

российского общества. Их истоки обусловлены не только становлением и развитием новых социально-экономических и политических структур, но и недавним прошлым, когда в течение продолжительного времени господствующей в нашем обществе была идеологическая установка на «бесконфликтность», гармоническое единство составляющих его индивидов и социальных групп. Это, естественно, способствовало

формированию отношения к конфликту как явлению, не присущему советскому обществу [6].

Главная причина политических конфликтов в современной России связана со стратегией и тактикой перераспределения государственной собственности и власти, что определяет их остроту и ведет к социально-экономической и политической нестабильности и напряженности во всех сферах общества.

Библиографический список

1. Арон Р. Этапы развития политической мысли. – М., 1993. – 272 с.
2. Глухова А.В. Типология политических конфликтов. – Воронеж, 2002. – 925 с.
3. Козырев Г.И. Введение в конфликтологию. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 176 с.
4. Панарин А.С. Учебник по политологии. – М.: Дело, 2002. – 424 с.
5. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 559 с.
6. Фельдман Д.М. Политология конфликта: Учебное пособие. – М., 1997. – 287 с.

References

1. Aron R. *Etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli* [Stages of sociological thought development]. Moscow, 1993. 272 p.
2. Glukhova A.V. *Tipologiya politicheskikh konfliktov* [Political conflicts typology]. Voronezh, 2002. 295 p.
3. Kozzyrev G.I. *Vvedeniye v konfliktologiyu* [Introduction to conflictology]. Moscow, 2001. 176 pp.
4. Panarin A.S. *Uchebnyk po politologii* [Textbook on political science]. Moscow, 2002. 424 p.
5. Soloviyov A.I. *Politologiya: Politicheskaya teoriya, politicheskiye tekhnologii: Uchebnyk dlia studentov vuzov* [Political science: Political theory, political technologies: Textbook for higher school students]. Moscow, 2006. 559 p.
6. Feldman D.M. *Politologiya konflikta: Uchebnoye posobiye* [Political science of conflict: Textbook assistance]. Moscow, 1997. 287 p.

УДК 316.334.0

Романова М.Г., Антонова Н.В.

Изучение социальных стереотипов в социологии

В статье представлены социологические подходы к изучению социальных стереотипов, предложенные такими учеными, как У. Липпман, Г.У. Оллпорт, Т. Шибутани и А.В. Меренков. У. Липпман основными свойствами стереотипов считал упрощение и искажение реальности, ограниченность, устойчивость во времени. Г.В. Оллпорт исследовал стереотипы в контексте теории предрассудка. Т. Шибутани определил социальные стереотипы как наиболее яркую форму поведения группы людей, по которой их идентифицируют. А.В. Меренков понимает стереотипы как устойчивые и схематизированные программы восприятия, а в качестве их главных черт обозначил устойчивость, повторяемость, упрощенность и бессознательность. Также в работе рассматриваются различные типы и функции социальных стереотипов.

Ключевые слова: стереотипы, социальные стереотипы, виды стереотипов, предрассудок, социальная группа, общественное мнение

Романова М.Г., студентка Южно-Уральского государственного университета по направлению «Социология»

Антонова Н.В., доцент кафедры социологии и политологии Южно-Уральского государственного университета

Romanova M.G., Antonova N.V.

The study of social stereotypes in sociology

This article analyzes sociological theoretical approaches to the study of social stereotypes, proposed by different scientists, such as W. Lippman, G. W. Allport, T. Shibutani and A. V. Merenkov. W. Lippman highlighted such properties of stereotypes as simplification and distortion of reality, limitation and stability. G.V. Allport studied stereotypes in the context of the theory of prejudice. T. Shibutani defines social stereotypes as the brightest form of behavior of a group of people, by which they are identified. A.V. Merenkov defines stereotypes as stable and schematized concepts of perception, and as their main features, he outlined sustainability, repeatability, simplicity and unconsciousness. In addition, the article examines different types and functions of social stereotypes.

Keywords: : stereotypes, social stereotypes, types of stereotypes, prejudice, social group, public opinion.

Romanova M.G., a student of
the South Ural State University

Antonova N.V., docent of sociology
and political science department
of the South Ural State University

Romanova M.G., Antonova N.V.

Estudiar los estereotipos sociales en sociología

El artículo presenta enfoques sociológicos para el estudio de los estereotipos sociales, propuestos por científicos tales como U. Lippman, G.U. Allport, T. Shibutani y A.V. Merenkov. U. Lippman considera que las propiedades básicas de los estereotipos son la simplificación y la distorsión de la realidad, la limitación y la estabilidad en el tiempo. G.V. Allport investigó los estereotipos en el contexto de la teoría del prejuicio. T. Shibutani definió los estereotipos sociales como la forma más vívida de comportamiento de un grupo de personas, mediante el cual son identificados. A.V. Merenkov entiende los estereotipos como programas de percepción estables y esquematizados, y como características principales designó la sostenibilidad, la repetibilidad, la simplicidad y la inconsciencia. Además, el documento examina los diferentes tipos y funciones de los estereotipos sociales.

Palabras-claves: estereotipos, estereotipos sociales, tipos de estereotipos, prejuicios, grupo social, opinión pública

Romanova M.G., estudiante de la Universidad Estatal del Sur de los Urales en el campo de la "Sociología"

Антонова Н.В., доцент кафедры социологии и политологии Южно-Уральского государственного университета

Слово «стереотип» пришло из греческого языка. Стерео (στερεός) означает объёмный, твёрдый, а типос (τύπος) – отпечаток. Буквально это выражение можно перевести как твёрдый отпечаток, клише, шаблон. Изначально стереотип обозначал метафору отнесенительно мышления, которая пришла из типографского дела (т.е. печатных мастерских), где стереотип – это монолитная целостная печатная поверхность, которая использовалась для печатных машин и станков. В настоящее время социальный стереотип понимается как «устойчивый образ или устойчивое представление о каких-либо явлениях, людях, свойственное представителям той или иной социальной группы» [1, с.39], т.е. это упрощенные, схематизированные образы социальных объектов, которые разделяет достаточно большое число членов общества.

В социологии существует ряд различных подходов к понятию социальных стереотипов, которые были введены в 30-е годы XX века, и которыми оперируют до сих пор. Мы рассмотрим некоторые из них.

Впервые определение социального стереотипа предложил в 1922 году Уолтер Липпман – американский писатель, журналист и автор оригинальной концепции общественного мнения. Он описывает стереотипы как «упорядоченные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при вос-

приятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права». По мнению У. Липпмана, «человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого» [3, с.9]. Иными словами, стереотипы являются нашим субъективным представлением об объекте, которое мы придумываем сами или которое диктует нам общество ввиду определённых обстоятельств.

У. Липпман обращает внимание на следующие характеристики стереотипов:

Стереотипы упрощают реальность. Посредством стереотипов сложнейшие характеристики какого-либо объекта можно общедоступно изложить в двух словах, что позволяет свести размышление об объекте до минимума и облегчить его понимание.

Стереотипы ограничены. У. Липпман объясняет это тем, что «средний обыватель» не способен критически мыслить и оценивать информацию, поэтому он прибегает к стереотипному мышлению. Кроме того, люди чаще всего приобретают стереотипы от той группы, к которой они принадлежат, т. е. от друзей, знакомых, средств массовой информации, а не стремятся формулировать их на основе своего собственного личного мнения и опыта.

Стереотипы искажают реальность. Они определяют взгляды на те или иные вещи,

не давая при этом их объективной оценки. Таким образом, стереотипы часто приписывают конкретному человеку черты, которыми он обязан обладать лишь из-за своей принадлежности к определенной социальной группе, классу, общности, религии, тем самым часто создавая заблуждения, ошибочное мнение о нём.

Стереотипы очень устойчивы. Закрепленные стереотипы создают в представлении индивидов определённую картину мира, которая претендует на непоколебимую истину. Когда люди убеждаются в том, что стереотип не соответствует действительности, они склонны не отказываться от него, а наоборот, утверждать, что исключение лишь подтверждает правило.

Стереотипы выполняют функцию защиты социальных ценностей определённой социальной группы и общества в целом. Так, в основе процесса столкновения стереотипов лежит противоречие образов, каждый из которых претендует на то, чтобы быть единственно подлинным. У. Липпман отмечал: «Не удивительно, что любое посягательство на стереотип представляется посягательством на основы нашего мироздания... Когда вы начинаете спорить о фабриках, шахтах, политической власти, вы не просто спорите, вы деретесь; стереотип вызывает в вас какое-то сильное чувство. Начав спорить, вы не можете остановиться» [8, с.117].

Стереотип может измениться или его могут перенести на иную группу населения. Когда

устойчивое мнение о каком-либо объекте не находит своего постоянного подтверждения, чаще всего стереотип трансформируется, либо его начинают приписывать другому объекту. Эта черта стереотипов чаще всего применима к различным национальностям, этносам и к внешнему облику людей, к таковым принадлежащим.

Таким образом, социальные стереотипы, в представлении У. Липпмана, – это весьма устойчивые, ложные представления в сознании человека, которые дают субъективную оценку различных социальных объектов и позволяют определённым образом мыслить и действовать по отношению к ним.

Стереотипы также изучал Гордон Уиллард Оллпорт. Он рассматривал их в контексте теории предрассудка. Предрассудком Г. В. Оллпорт называл «антипатию, основанную на ошибочной и жестокой генерализации» [5, с.23]. Т.е. предрассудок, по его мнению, является грубым и искажённым обобщением относительно того или иного объекта. Приспособление для рационализации предрассудка Г.В. Оллпорт называет стереотипом, определяя его «как преувеличенное мнение» или «как имидж в рамках категории» [6, с.26]. Согласно данной теории, предрасположенность к предрассудкам и стереотипам усиливает предубеждения и антипатии по отношению к определенным социальным группам. Фактором возникновения предрассудков выступает шаблонное видение пред-

ставителей той или иной общности. Из этого следует негативное и циничное поведение по отношению к ним. Предрассудки, как и стереотипы, очень устойчивы и широко распространены, так как они позволяют минимизировать умственные усилия для определения той или иной ситуации, социальной группы, общности, класса, индивида; защищают наше сознание от непредсказуемых и сложных ситуаций, которые предполагают стрессовые условия и ситуацию выбора.

Г.В. Оллпорт в своих работах не определяет морфологию стереотипа как жёсткую и ригидную. По его мнению, стереотип приспособливается и меняется в зависимости от характера доминирующего предрассудка и определённой ситуации. Он заостряет своё внимание на том, что предрассудки реконструируются, когда в их изменении есть социальный, экономический и личностный смысл. Немаловажно и то, что Г.В. Оллпорт значимую роль в трансформации стереотипов или предрассудков отводит образованию. Он считал, что с повышением уровня образования начинает снижаться стереотипность мышления, так как образование способствует устранению типичности и упрощённости представлений.

Также социальные стереотипы анализировал американский социальный психолог Тамотсу Шибутани. С его точки зрения, стереотип – это «популярное понятие, обозначающее приблизительную группи-

ровку людей с точки зрения какого-то легко различимого признака, поддерживаемое широко распространёнными представлениями относительно свойств этих людей» [7, с.204]. Он полагал, что стереотипы рождаются в процессе выявления наиболее ярких форм поведения людей, относящихся к определённой социальной группе. Также он утверждал, что сохраняются лишь те стереотипы, которые подтверждаются действительностью. На степень их устойчивости оказывает влияние тождественность представлений людей о каком-либо объекте; следовательно, чем больше совпадений – тем прочнее укореняется стереотип.

Анатолий Васильевич Меренков, доктор философских наук, в своей работе «Социология стереотипов» рассматривает стереотипы как «устойчивые, схематически оформленные программы воспроизводства субъекта, фиксирующие устойчивость условий его существования и обеспечивающие приспособление к ним» [4, с.30]. Также он заостряет своё внимание на том, что стереотип формируется в сознании любого организма от самого простейшего до сложного, передаётся генетическим путём и представляется как уже готовое шаблонное представление. Стереотип обладает глубокими и сильными свойствами и является важнейшим фактором детерминации жизнедеятельности как отдельных индивидов, так и целых общностей. Все социальные стереотипы имеют очень устой-

чивый природный фундамент, и из-за этого новые стереотипы возникают и устанавливаются на основе прежних стереотипов, предрассудков и схем.

А.В. Меренков выделяет основные характеристики стереотипов.

Устойчивость – неизменность ключевых элементов, отражающих реальность. Она определяется двумя факторами: соответствием стереотипа условиям жизнедеятельности конкретного индивида (или группы) и временем возникновения: чем старше стереотип, тем труднее будет происходить процесс трансформации.

Повторяемость. Стереотип нацелен на повторение уже известного, что позволяет действовать в схожей ситуации, сокращая силы и время на её исследование, к тому же стереотипы передаются из поколения в поколение.

Упрощённость, схематичность. Стереотипы являются отражением типичных характеристик окружающей действительности, которые наиболее часто повторяются, при этом социальный стереотип может быть ошибочен.

Бессознательность. Стереотипы даны человеку от природы в качестве бессознательных схем поведения.

Динамичность. Изменения стереотипа возможны, но это трудный и медленный процесс.

Целостность, согласованность. Социальными стереотипами можно считать лишь те суждения, которые разделяют большинство членов общества.

Эмоциональная наполненность. Стереотипы насыщены

чувствами, которые с ними ассоциируются, это ряд предпочтений, оценок и настроений.

На основании вышеперечисленного выделяют следующие функции социальных стереотипов:

1. Передача условно подлинной информации об объектах в форме глобального обобщения, которое влияет на мнение большинства;

2. Ориентирующая функция – стереотипы помогают ориентироваться в реальности, упрощая картину мира, что позволяет человеку экономить усилия для формирования мнения о том или ином явлении, объекте, социальной общности и т. п.;

3. Функция конструирования реальности, т. е. определение рамок правильного и неправильного, своего или чужого, самоопределение принадлежности к той или иной группе, социальной общности;

4. Социальная функция, направленная на социально-психологическую стабилизацию сознания [4].

Рассмотренные функции стереотипов реализуются в таких их видах, как стереотипы-представления, стереотипы поведения, стереотипы-ситуации и стереотипы-образы.

Стереотипы-представления являются некоторым образом картины мира как устойчивое обобщённое минимизированное представление о чём либо, хранящееся в нашем сознании в виде клише.

Стереотипы поведения представляют собой схему действия в той или иной ситуации, хранятся в сознании в виде штампов,

выступающих в роли канона. Иначе говоря, они диктуют определенный образ действий.

Стереотипы-образы – типичное восприятие тех или иных образов различных субъектов.

Стереотипы-ситуации представляют собой стандартное и предсказуемое поведение людей (участников ситуации). Стереотипы поведения вытекают из стереотипов-ситуаций, когда конкретная ситуация предполагает определенное поведение [2, с. 10–11].

Также выделяют различные виды стереотипов на основе социальной и культурной принадлежности индивидов: расовые, этнические, географические, гендерные, социальные, политические, профессиональные и т. д.

Таким образом, мы видим, что социальный стереотип – это устойчивый и упрощенный образ какого-либо социального объекта (социальной группы, общности, класса и т. п.), разделяемый большим количеством членов общества, который позволяет людям ориентироваться в социуме, не прилагая особых умственных усилий для понимания сущности социального объекта. Чаще всего стереотипы формируются на бессознательном уровне, за-

крепляются в социокультурном опыте и отличаются однообразием. Следование социальным стереотипам предполагает избегание ситуации выбора, минимизацию риска, распознавание каждой новой ситуации как привычной.

Проблема стереотипизации – это, прежде всего, проблема нашего бессознательного мышления. Стереотипы всегда оказывали и продолжают оказывать свое влияние на людей, тем самым способствуя определенному ходу их мыслей, действий и поступков относительно других индивидов, социальных групп и общностей. Если каждый человек научится мыслить сам, перестанет подвергаться воздействию общественного мнения и суждений, тогда станет возможным соблюдение прав каждой личности, вне зависимости от её национальности, этноса, пола или социального статуса. Стереотипы не нуждаются в полном уничтожении, во многом они очень помогают людям. Но для достижения подлинного равенства и гармонии нужно стараться противодействовать стереотипам на индивидуальном уровне, работать над изменением и совершенствованием системы ценностей и принятых норм в обществе.

Библиографический список

1. Битянова М.Р. Социальная психология / М.Р. Битянова. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 576 с.
2. Козловская И.Е., Гребёнкина, И.Н. Универсальные и уникальные стереотипы французской и русской культур / И.Е. Козловская, И.Н. Гребёнкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – №10. – С. 9–15.
3. Липпман У. Общественное мнение [Электронный ресурс] / У. Липпман. – <http://lifelife.club/br/?b=248178&p=1>.
4. Меренков А.В. Социология стереотипов / А.В. Меренков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Гос. ун-та им. А.М. Горького, 2001. – 292 с.
5. Нельсон Т. Психология предрассудков. Секреты шаблонов мышления, восприятия и поведения / Т. Нельсон. – СПб: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. – 384 с.
6. Олпорт Г. Природа предрассудков / Г. Олпорт // Век толерантности: научно-публицистический вестник. – 2003. – № 5. – С. 25–32.
7. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. – 534 с.
8. Шихирев П.Н. Современная социальная психология / П.Н. Шихирев. – Москва, 1999. – 448 с.

References

1. Bityanova M.R. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow, 2001. 576 s.
2. Kozlovskaya I.E., Grebenkina I.N. *Universal'nye i unikal'nye stereotipy frantsuzskoy i russkoy kul'tur* [Universal and unique stereotypes of French and Russian cultures]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013. № 10. S. 9–15.
3. Lippman U. *Obshchestvennoe mnenie* [Public opinion], <http://lifelife.club/br/?b=248178&p=1>
4. Merenkov A.V. *Sotsiologiya stereotipov* [Sociology of stereotypes]. Ekaterinburg, 2001. 292 s.
5. Nel'son T. *Psikhologiya predubezhdeniy. Sekrety shablonov myshleniya, vospriyatiya i povedeniya* [Psychology of prejudice. Secrets of patterns of thinking, perception and behavior]. St. Petersburg, 2003. 384 s.
6. Ollport G. *Priroda predubezhdeniy* [The nature of prejudice]. *Vek tolerantnosti: nauchno-publitsisticheskiy vestnik*, 2003. 5. S. 25–32.
7. Shibutani T. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Rostov-na-Donu, 2002. 534 s.
8. Shikhirev P.N. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya* [Modern social psychology]. Moscow, 1999. 448 s.

УДК 316.752

Таланова К.А., Русских Л.В.

Основные теории ценностей в современной социологии

В статье рассмотрены теории ценностей некоторых современных социологов, таких как Ф. Знанецкий, Н. Луман, Ч. Миллс, Т. Парсонс, М. Рокич, У. Томас. Ф. Знанецкий совместно с социологом У. Томасом считал, что ценности создаются и разрушаются самими людьми в процессе взаимодействия. Немецкий социолог Н. Луман полагал, что именно идеология упорядочивает, нейтрализует и отбирает ценности. Американский социолог Ч. Миллс установил различные категории состояния индивидов, в зависимости от положения, в котором находятся какие-либо его ценности. Западный социолог Т. Парсонс считал, что ценности одновременно объединяют и разъединяют людей, способствуя образованию различных социальных классов, слоев, наций. М. Рокич, американский ученый польского происхождения, полагал, что ценности и установки являются решающими факторами, которые регулируют социальное поведение людей. Среди рассмотренных концепций выявлена двойственная ценностная природа: с одной стороны, ценность формируется обществом, с другой – индивид имеет определенное влияние на установление ценностей.

Ключевые слова: ценности, установка, идеал, ценностные ориентации, категории состояния, система

Таланова К.А., студентка Южно-Уральского Государственного Университета (г. Челябинск)
talanovak97@mail.ru

Русских Людмила Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры социологии и политологии, Южно-уральский государственный университет (г. Челябинск)

Talanova K.A., Russkikh L.V.

The main theories of values in modern sociology

The article examined the theory of values of some modern sociologists, such as F. Znaniecki, N. Luhmann, C. Milles, T. Parsons, M. Rokeach, W. Thomas. F. Znaniecki together with the sociologist U. Thomas considered, that values are created and destroyed by people in the course of interaction. German sociologist N. Luhmann believed that ideology organizes, neutralizes and selects values. The American sociologist C. Milles has established various categories of the state of individuals, depending on the situation in which some of his values are located. Western sociologist T. Parsons believed that values at the same time unite and disconnect people, contributing to the emergence of various social classes, strata, nations. M. Rokeach, the American scientist of Polish descent, believed that values and attitudes are psychological determinants which regulate the social behavior of people. Among the concepts examined, a dual value nature is revealed: on the one hand, value is formed by society, on the other hand – the individual has a certain influence on the establishment of values.

Keywords: values, installation, ideal, value orientations, categories of state, system

Talanova K.A., student of
the South Ural State University
(Chelyabinsk)
Talanovak97@mail.ru

Russkikh Liudmila Viktorovna, associate
Professor, Department of Sociology
and Political Science of South Ural
State University
(Chelyabinsk), ludmilaruss@mail.ru

Talanova K.A., ruso L.V.

Teorías Básicas de los Valores en la sociología moderna

El artículo examina la teoría del valor de algunos sociólogos modernos, como F. Znaniecki, N. Luhmann, C. Mills, T. Parsons, M. Rokic, W. Thomas, F. Znanetsky, junto con el sociólogo U. Tomas, consideró que los valores son creados y destruidos por las personas en el curso de la interacción. El sociólogo alemán N. Luhmann creía que era la ideología la que ordenaba, neutralizaba y seleccionaba los valores. El sociólogo estadounidense C. Mills ha establecido varias categorías de estados individuales, según la situación en la que se encuentren algunos de sus valores. El sociólogo occidental T. Parsons creía que los valores simultáneamente se unen y separan a las personas, contribuyendo a la formación de varias clases sociales, estratos, naciones. M. Rokic, un científico estadounidense de origen polaco, cree que los valores y las actitudes son factores decisivos que regulan el comportamiento social de las personas. Entre los conceptos considerados, se revela una naturaleza de doble valor: por un lado, el valor está formado por la sociedad, por el otro – el individuo tiene una cierta influencia en el establecimiento de valores.

Palabras clave: valores, instalación, ideal, orientaciones de valores, categorías de estado, sistema

Talanova KA, estudiante de la
Universidad Estatal del Sur de
los Urales (Chelyabinsk)
talanovak97@mail.ru

Rusa Lyudmila Viktorovna – Candi-
data de Estudios Culturales,
Profesora Asociada del Departame-
nto de Sociología y Ciencias
Políticas, Universidad Estatal del Sur
de los Urales (Chelyabinsk)

Теория ценностей возникла в середине XIX века, в то время, когда начинает происходить переход от традиционной культуры к личностной. Ценность – это идеал, который формируется общественным сознанием и которому придается особое значение. Без ценностей не может существовать ни одно общество, но в то же время, у каждого индивида есть выбор – разделять эти ценности или нет. Ценности тесно связаны с социальным поведением индивида и выражаются в личностном смысле жизни.

Ценностная проблематика всегда была актуальна для социологии, поскольку именно по сложившейся системе ценностей, ценностных ориентаций и установок социолог мог иметь представление о конкретном историческом состоянии функционирования общества, о его дальнейшем развитии.

В начале XX века проблема ценностей активно изучалась социологами Уильямом Томасом и Флорианом Знанецким. Ф. Знанецкий считал, что в мире есть только вещи и ценности. Из них, ценности являются более важными, чем вещи, поскольку они оказывают на жизнедеятельность индивида гораздо большее влияние, чем вещи. Находясь в какой-либо социальной группе, индивиды приспосабливаются друг к другу, ориентируясь на заданные в группе ценности. Они поддерживают правила поведения этой группы до тех пор, пока эти правила являются для них ценностями.

Ученые считали, что ценности создаются и разрушаются самими людьми в процессе взаимодействия и представляют собой значимые для человека свойства объектов. Социальная ценность, по У. Томасу и Ф. Знанецкому, всегда связана с деятельностью индивидов – поведение людей зависит от той системы ценностей, которой они придерживаются.

Для социологов особое значение имеет установка – процесс индивидуального сознания, который определяет реальную или возможную деятельность индивида в социальном мире. Только установка фиксирует значение, придаваемое человеком тому или иному факту в связи с местом этого факта в его деятельности. А деятельность, в свою очередь, всегда выступает связующим звеном между ценностями и установкой. Именно в деятельности любая вещь может превратиться в ценность, если ей будет придано значение.

Не менее существенный вклад в развитие теории ценностей внес западный социолог Толкотт Парсонс. Он считал, что «ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца» [3, с. 18], так как они являются определенным стандартом, посредством которого выбираются цели действия. Т. Парсонс указывал на определенное значение ценностей, рассматривая их не в духовном, а социальном контексте.

Т. Парсонс считал, что система ценностей одновременно объединяет и разъединяет людей, способствуя возникновению различных социальных классов, слоев, наций. Ценность устанавливает их своеобразие, отличие друг от друга: то, что приемлемо и обыденно для одной общности, оказывается неприемлемым для других.

По Т. Парсонсу, религиозные ценности являются основой для всех остальных. Каждый вид ценности образует фундамент соответствующей культурной системы, которые интегрируются в единую культурную систему. Но ни одна из социокультурных систем, кроме религии, не может убедить субъектов в законности ценностей и необходимости им следовать: «В конечном счете ценности легитимизируются главным образом в религиозных терминах» [3, с. 22].

Утверждая религиозное происхождение ценностей, Т. Парсонс говорит о возможной социальной опасности, которую представляет религиозный плюрализм для общества: «Поскольку ценности общества уходят своими корнями в религию, одним из возможных последствий плюрализации религии является разрушение морального или ценностного консенсуса» [3, с. 132].

Взгляды Т. Парсонса об идее социальной интеграции развивает немецкий социолог Никлас Луман. Он определял ценность как точку зрения, выделяющую наиболее предпочтительные, по сравнению с остальными, последствия дей-

ствия. Н. Луман утверждал, что нормативно-правовой и социальный порядок не гарантирует постоянства конкретных ценностей. Их изменение происходит в результате активного вмешательства фактора идеологии: она упорядочивает, нейтрализует и отбирает ценности.

По Н. Луману возникают идеологические ценности, сознательно использующие функцию отбора действия для оценивания ценностей. Оценка ценностей в соответствии с тем, какое конкретное действие они выбирают, создает предпосылки их возможной замены. Возможность замены различных ценностей играет существенную роль при оценивании, становясь своеобразным «стандартом».

Так называемые «абсолютные» ценности лишены селективной функции, поэтому уверенность в них значительно уменьшается. Значение абсолютных ценностей не выше значения ценностей, которые являются временными. Н. Луман считает, что «вне зависимости от условий нельзя утверждать, что культура есть большая ценность, чем гигиена, а свобода – большая, чем согласие» [1, с. 97].

Н. Луман разграничивает четыре уровня, на которых протекают механизмы функционирования ценностно-нормативных процессов: личный, ролевой, нормативно-целевой и ценностный. Жесткость границ между этими уровнями изменяется от системы к системе и увеличивается с возрастанием системной сложности. По Н. Луману, ценности всегда

признаются на высоком уровне абстракции (например, жизнь, свобода, богатство), являясь «символами» для предпочтений и «формулами» для выработки социального консенсуса [1].

Еще один социолог, который уделил внимание изучению теории ценностей – американец Чарльз Райт Миллс. В основу его концепции легли ценность истины, ценность роли разума в жизни людей и ценность человеческой свободы. Как отмечает Ч. Миллс, свобода и разум занимают центральное место в западной цивилизации, обе ценности провозглашаются идеалами.

В своем произведении «Социологическое воображение» Ч. Миллс рассматривает два типа трудностей – личные и общественные. Личные трудности – это «частное дело: они возникают, когда индивид чувствует, что ценности, которых он придерживается, находятся под угрозой» [2, с. 7]. Общественные проблемы – это проблемы, при возникновении которых «под угрозой оказываются ценности, разделяемые различными слоями общества» [2, с. 8].

Ч. Миллс определяет различные категории состояния индивида в зависимости от ситуаций, в которых находятся те или иные его ценности. Первое – состояние благополучия. Люди находятся в таком состоянии, когда чувствуют, что ценностям, которых они придерживаются, ничего не угрожает. Люди переживают кризис, когда чувствуют, что ценностям, которых они придерживаются, угрожает опасность. Причем это могут быть

как личные, так и общественные проблемы. Если же людям кажется, что абсолютно все ценности, которых они придерживаются, находятся под угрозой, то их охватывает паника. Также существует состояние индифферентности, которое влечет за собой апатию. Такому состоянию подвержены люди, которые не имеют ни одной общей ценности и которые не чувствуют никакой угрозы по отношению к своим ценностям.

Наконец, существует состояние тревоги – это состояние, «характеризующееся отсутствием общих ценностей при остром осознании угрозы. Это беспокойство, достигнув определенного порога, превращается в нераспознанную смертельную болезнь» [2, с. 9].

Огромный вклад в ценностную проблематику внес американский психолог польского происхождения Милтон Рокич. М. Рокич рассматривал ценность как разновидность устойчивого убеждения о предпочтительных способах поведения и конечных целях. Ценности и установки являются психологическими факторами, регулирующими социальное поведение людей. В отличие от установок, ценности более абстрактны, но являются наиболее важными в жизни людей.

М. Рокич полагал, что человеческие ценности относительно немногочисленны и организованы в системы ценностей. Истоки человеческих ценностей возникают в культуре, обществе и отдельной личности. Он считал, что все люди обладают одинаковы-

ми ценностями, но в различной степени. Согласно взглядам М. Рокича, изменение ценности происходит, когда человек осознает несоответствие между некоторыми ценностями, что провоцирует у него чувство неудовлетворенности собой. И наоборот, ценность стабилизируется, если человек удовлетворен собой и своими действиями.

Американский социолог выделял два вида ценностей: терминальные и инструментальные. Терминальные ценности – это убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования (например, счастливая семейная жизнь или карьерный рост) с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться. А инструментальные ценности М. Рокич определял как убеждения в том, что какой-то образ действий или свойства личности являются предпочтительными в какой-либо ситуации [4].

Проанализировав взгляды современных социологов, мы можем обнаружить непосредственное влияние ценностей на формирование общества, а

также жизни, взглядов и поведения человека. Ценности, являясь элементом культуры, выполняют интегрирующую функцию, тем самым объединяя или разъединяя людей по каким-либо социальным признакам, тем самым подразделяя общество на классы, группы. Что касается изменения ценностей в сознании индивида – здесь прослеживается воздействие самого человека.

В заключение отметим, что ценности никогда не существуют друг от друга отдельно – они всегда образуют целостную систему. Каждое общество определяет свою структуру ценностей, которая одобряется большей частью людей данного общества. Рассмотренные в данной работе теории говорят о высокой значимости проблемы ценностей в современной социологии. Большинство социологов, изучающих проблему ценностей, сходятся на том, что ценности, в первую очередь, являются регулирующим механизмом человеческого поведения, а также нормами, идеалами индивида и являются неотъемлемой частью общества.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Библиографический список

1. Луман Н. Дифференциация. / Н. Луман. – М.: Издательство «Логос». 2006. – 320 с.
2. Миллс Ч. Социологическое воображение / Ч. Миллс. – М.: Издательский Дом «Nota Bene», 2001. – 264 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
4. Рокич М. Природа человеческих ценностей / М. Рокич. – М: Свободная пресса. – 1973. – №. – С. 20–28.

References

1. Luhmann N. *Differentsiatsiya*. [Differentiation]. Moscow, 2006. 320 p.
2. Milles C. *Sotsiologicheskoe voobrazhenie*. [Sociological Imagination]. Moscow, 2001. 264 p.
3. Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv*. [The system of modern societies] Moscow, 1997. 270 p.
4. Rokeach M. *Priroda chelovecheskikh tsennostey*. [The nature of human values]. Moscow 1973. 5. P. 20–28.

УДК 327.8

Храмцова Е.А., Беседин М.Д.

Выборы в государственную думу 2016 года как отражение процесса консервации политического режима

В статье дается характеристика сложившемуся в современной России политическому режиму, рассматриваются его основные особенности, выявляются черты его консервации. Предпринимается попытка показать на примере выборов в Государственную Думу 2016 года, как процессы консервации, протекающие в политической системе, отражаются на институте выборов и electoralной активности граждан. Также дается оценка возможным сценариям развития российского политического режима до президентских выборов 2024 года.

Ключевые слова: политический режим в России, гибридный режим, авторитаризм, консервация политического режима, парламентские выборы 2016 г.

Храмцова Е.А., студентка Южно-Уральского Государственного университета (г. Челябинск)

Беседин М.Д., доцент кафедры социологии и политологии, Южно-уральский государственный университет, г. Челябинск

Khramtsova EA, Besedin M.D.

The russian parliamentary elections of 2016 as the reflection of a process of conserving the political regime

The article describes the current political regime in Russia, examining its main features, revealing the features of its conservation. An attempt is made to show, taking the example of parliament elections in 2016, how the conservation processes taking place in the political system are reflected in the institution of elections and electoral activity of Russian citizens. In addition, the article gives an assessment of possible scenarios for the political regime to develop before the presidential election of 2024 in Russia.

Keywords: political regime in Russia, hybrid regime, authoritarianism, conservation of political regime, parliamentary elections of 2016.

Khramtsova EA, a student
of the South Ural State Uni-
versity (Chelyabinsk)

Besedin MD, Associate Professor
of the Department of Sociology
and Political Science, South Ural
State University, Chelyabinsk

Khramtsova EA, Besedin M.D.

Elecciones a la Duma estatal en 2016 como un reflejo del proceso de conservación régimen político

El artículo da una descripción del régimen político actual en Rusia, examina sus características principales, revela sus características de preservación. Se intenta mostrar, en el ejemplo de las elecciones a la Duma del Estado en 2016, cómo los procesos de conservación que tienen lugar en el sistema político se reflejan en la institución de las elecciones y la actividad electoral de los ciudadanos. Además, se da una evaluación de posibles escenarios para el desarrollo del régimen político ruso antes de las elecciones presidenciales de 2024.

Palabras clave: régimen político en Rusia, régimen híbrido, autoritarismo, preservación del régimen político, elecciones parlamentarias en 2016

Khramtsova EA, un estudiante de la Universidad Estatal del Sur de los Urales (Chelyabinsk)

Besedin MD, Profesor Asociado del Departamento de Sociología y Ciencias Políticas, Universidad Estatal del Sur de los Urales, Chelyabinsk

В политическом процессе современной России все яснее проступает общая тенденция к так называемому «закручиванию гаек». Этот процесс начался ещё при Б.Н. Ельцине и продолжился при В.В. Путине. Третье тысячелетие началось для России со Второй чеченской войны, породившей трагедию «Норд-Оста», теракты в Москве и других городах России, захват школы в Беслане. Все эти события послужили поводом для ужесточения политического курса, а также для отмены выборов губернаторов, которую В.В. Путин объяснил необходимостью единства действий исполнительной вертикали. Новый этап начался после протестов 2011-2012 годов с введения законодательных мер, направленных на ограничение конституционно закрепленного права граждан на свободу собраний, за которыми последовали попытки установить цензуру в сети «Интернет», а также поиск среди россиян экстремистов. К этому добавилось создание Росгвардии с последующим расширением её полномочий, включая предоставленное Государственной Думой право применять огнестрельное оружие в толпе. Всеобъемлющее стремление власти подавлять оппозиционную гражданскую активность вполне объяснимо, ведь она может стать угрозой для современного режима. Поэтому принимается все больше мер для её погашения, в том числе через электоральные процессы.

В данной статье предпринимается попытка показать на примере прошедших осенью 2016 года выборов в Государственную Думу общую направленность политического процесса в России и главным образом стремление сложившегося в стране политического режима к консервации.

Для этого предполагается провести анализ источниковой базы, дать определение российскому политическому режиму, выявить основные черты процесса его консервации, а также показать отражение этого процесса на выборах в Государственную Думу VII созыва.

В данной статье под политическим режимом понимается комплекс методов осуществления государственной власти. Существует множество классификация политических режимов, и прежде, чем давать какую-либо оценку, необходимо определиться с тем, какой тип режима соответствует методам осуществления власти, сложившимся сегодня в России.

Согласно ст. 1 Конституции Российской Федерации, Россия провозглашается, помимо прочего, демократическим государством. В Конституции закреплены основные демократические права и свободы граждан, закреплен один из основных принципов демократии – принцип разделения властей. Но, несмотря на наличие в главном документе страны положений, дающих право характеризовать политическую систему России демократической, в действительности она не соот-

ветствует некоторым современным критериям демократии, важнейшими из которых являются представительный характер власти, ее ответственность перед обществом, наличие действенного общественного контроля над властью.

Многие исследователи констатируют, что российская политическая система функционирует с помощью как демократических, так и недемократических методов осуществления власти. Это не позволяет отнести сложившийся в стране политический режим ни к демократическим, ни к авторитарным. Такой режим называют переходным или гибридным, для которого характерно переплетение порой взаимоисключающих принципов деятельности.

По мнению российского политолога Л. Ф. Шевцовой, очевидна «персонификация и нерасчлененность власти, с одной стороны, и формирование и легитимация этой власти демократическими способами – с другой» [15, с. 47].

Конституция 1993 года, закрепившая власть Б.Н. Ельцина, установила, по мнению политолога Н.А. Баранова, «демократический по форме, но авторитарный по содержанию политический режим» [1, с. 57]. К основным его особенностям относят:

Гипертрофированность института президентства за счет ограничения полномочий других институтов;

Номинальность разделения властей, приводящая к их политической борьбе за влияние на политические, экономические,

социальные и другие ресурсы власти;

Неспособность государства обеспечить консенсус по основополагающим вопросам общественной жизни;

Сочетание форм авторитарно-олигархического правления с элементами демократической процедуры (выборы, многопартийность);

Укоренение неформальных властных отношений, формирование элитарного корпоративизма вместо плюралистической демократии [1, с. 58].

И если при Б.Н. Ельцине существовало так называемое «выборное самодержавие», то В.В. Путин за два президентских срока сформировал, по выражению Л.Ф. Шевцовой, «бюрократически-авторитарный» режим. Данный режим характеризуется сосредоточением властных полномочий в руках лидера, который осуществляет власть, опираясь на бюрократию и силовые структуры. Однако такие режимы вследствие своей нестабильности рано или поздно встают перед выбором: двигаться в сторону демократии либо диктатуры.

Лидер партии «Яблоко» Г. А. Явлинский дал собственное определение политического режима современной России, назвав его «периферийным авторитаризмом». Он считает, что «парламентские выборы как институт при этом окончательно лишаются практического смысла» [17, с.12, 81–82].

Российский политолог Е.М. Шульман оценивает российский политический режим сле-

дующим образом: «больше всего Россия соответствует признакам гибридного режима. Вероятно, потому что мы имеем для такого вывода ряд признаков. С одной стороны, в России есть демократические институты, пусть даже имитационные. У нас неадекватная концентрация власти в одних руках, неравномерное распределение полномочий между ветвями власти, неконкурентные и непрозрачные выборы. Это все признаки, не дающие стране возможность называться полноценной демократией» [6].

Расхождение между официальным характером политической системы, закрепленном в Конституции, и сложившимся в действительности комплексом методов осуществления власти очевидно для многих исследователей. При этом они констатируют усиление в современной России не демократических, а авторитарных тенденций.

Однако если в 2007 году эти тенденции еще можно было назвать естественными и «объективно необходимыми для посттоталитарного государства» [11, с. 42], то сегодня наблюдается откровенный отход власти от демократического вектора развития и огромный перекося в сторону авторитаризма в российском гибридном режиме.

Некоторые политологи характеризуют российский политический режим как управляемую демократию.

Американский политолог Г. Хейл определяет одной из важнейших особенностей такой

системы зависимость ее жизнеспособности «от ожидаемой длительности пребывания нынешнего патрона у власти и тем самым от вероятности выполнения им своих обещаний поощрить или наказать кого-то» [13, с. 35].

Здесь патроны строят отношения с элитами по принципу «разделяй и властвуй» и всеми способами стараются не допустить их согласованных действий, которые могут помешать режиму исполнять свои обещания и угрозы. Однако управление в России стало «чрезвычайно сложным и изощренным». Режим всячески сопротивляется децентрализованным решениям, гасит очаги политической конкуренции, а в кадровой политике опирается на лояльность. Соответственно, режимом отмечается динамизм, креативность и высокая квалификация кадров. Именно поэтому патрон и его ближайшее окружение должны в значительной степени собственноручно управлять всеми элементами политической системы и прилагать огромные усилия для поиска новых способов поддержания жизнеспособности режима. В этой связи Г. Хейл, характеризуя политический режим России, использует более конкретный термин «микроуправляемая демократия».

Н.А. Баранов выделяет ряд прямых признаков отхода нынешней политической системы России от базовых принципов конкурентной политики, наблюдавшихся уже в первое десятилетие XXI века:

резкое ослабление политического влияния региональных элит и большого бизнеса;

установление прямого или косвенного государственного контроля над главными телеканалами страны;

постоянно нарастающее по масштабам использование «административного ресурса» на выборах регионального и федерального уровней;

фактическая ликвидация системы разделения властей;

формирование непубличного стиля политического поведения [1].

По мнению А.М. Хазова, с окончанием президентства Д.А. Медведева политический режим собственной активностью постепенно подменяет активность всех других политических акторов. Это проявляется в его стремлении «повысить контроль над политической активностью граждан, вытеснить с политического рынка все значимые формы политического протеста, управлять политическими контактами с бизнесом и т.д.» [12, с. 8].

Перечисленные выше признаки и черты дают основание характеризовать процесс, протекающий в России с начала двухтысячных годов, как консервацию политического режима при нарастании авторитарных элементов.

Этот процесс не мог не отразиться на основных институтах политической системы, которые на протяжении первых двух десятилетий XXI века становились все более закрытыми, усиливая общий им-

пульс движения системы к авторитаризму.

Рассмотрим один из таких институтов – институт выборов, являющийся, с формальной точки зрения, демократическим, но в современной российской политической реальности несущий на себе специфические черты гибридного режима.

Прошедшим в сентябре 2016 года выборам в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации предшествовала, по мнению многих наблюдателей, самая скучная в новейшей истории России предвыборная кампания.

Как пишет С.Г. Зырянов, многими экспертами прогнозировалось возникновение в 2016 году локальных протестных акций, вызванных несправедливостями со стороны властей. Не исключалось и выдвижение в ходе этих акций политических лозунгов, а также появление стихийных или скоординированных массовых акций протеста [3, с. 38–39]. Подобные прогнозы имели под собой основания, однако сбылись не перед выборами, а на полгода позже.

Следует отметить некоторые новшества в избирательном законодательстве, отличавшие данные выборы от предыдущих. Во-первых, после длительного перерыва в феврале 2014 года была возвращена смешанная избирательная система, при которой 225 мест в парламенте занимают депутаты, избранные по партийным спискам и принципу пропорциональности, а

остальные 225 распределяются между кандидатами, победившими в одномандатных округах по принципу относительного большинства. Во-вторых, в федеральный закон «О политических партиях» в 2012 году были внесены изменения, повлекшие рост количества зарегистрированных партий. По данным Министерства юстиции на март 2013 г. в России было зарегистрировано 62 политических партии, в 2015 г. – 72. В избирательной кампании 2016 года принимало участие 14 политических партий (в два раза больше, чем в 2011 г.) [7, с. 5]. Тем не менее, несмотря на эти изменения, уровень конкуренции на выборах в России так и не повысился.

Результаты выборов оказались обратными по отношению к тому, что предполагали эксперты. В частности, выдвигались прогнозы, что «Единая Россия», хотя и потеряет конституционное большинство в Государственной Думе, но останется самой многочисленной партией. Кроме того, не исключалось появление в парламенте «новых партий, представители которых пройдут как по партийным спискам («Яблоко»), так и по одномандатным округам, в результате состав новой Государственной думы станет более плюралистичным, и с монополией «Единой России» на принятие важнейших думских решений будет покончено» [4, с. 38]. Во-первых, в Государственную думу прошли лишь четыре партии, в то время как «Яблоко» и остальные не смогли перешаг-

нуть даже барьер в 3%, который необходим для получения государственного финансирования. Во-вторых, существенно возросло число мандатов, полученных «Единой Россией» в 2016 году: из общего числа в 450 мест это – 343 места (203 из них – по одномандатным округам) против 238 мест, полученных на выборах 2011 года. Таким образом, «Единая Россия» получила конституционное большинство. Остальные же три партии получили суммарно 104 мандата: 42 у КПРФ, 39 у ЛДПР и 23 у «Справедливой России» [9, с.1]. Подобного распределения мест в Государственной Думе не было никогда за всю ее историю.

Но в целом поддержка «Единой России» в стране снизилась: число голосов, которое получила «Единая Россия», на 3,8 миллиона меньше, чем в 2011 году. В абсолютном выражении за нее проголосовали всего 25,9% избирательного корпуса страны [14, с. 18].

Необходимо отметить, что успех Единой России был обеспечен во многом благодаря переходу к смешанной избирательной системе, переносу выборов на сентябрь, «сушкой явки и понижением интереса к голосованию» [5].

Одновременно выборы показали продолжающиеся тенденции сокращения общественной поддержки КПРФ и «Справедливой России» и дальнейшего ослабления их позиций в парламенте. Так, фракция коммунистов сократилась с 92 до 42 депутатов. Фракция Сергея Миронова также сократилась, и те-

перь в количестве 23 человек занимает четвертое место в парламенте по числу депутатов. Даже ЛДПР, набрав по спискам больше, чем когда-либо – 13,14%, тем не менее, потеряла 17 мандатов. Ее фракция теперь составляет 39 депутатов [14, с. 18].

Причины поражения непарламентских оппозиционных демократических партий эксперты видят в следующем: «оппозиционеры, с одной стороны, играли на поле власти и по ее условиям, имея очень скудные возможности по ведению кампании из-за ограничений на присутствие в медиа и привлечения денег. С другой стороны, они не смогли создать единую оппозиционную партию (предвыборные блоки запрещены законом) и, главное, не предложили избирателю ясной альтернативы, модели действия и лозунга» [2]. Нельзя не учесть также фальсификаций в пользу правящей партии, участия в выборах партий-спойлеров (ярким примером являются «Коммунисты России») и кандидатов-спойлеров в одномандатных округах.

Ещё одной особенностью прошедших выборов стала самая низкая явка за все время существования данного института в Российской Федерации. По официальным данным, представленным главой Центрального избирательного комитета Э. А. Памфиловой, на участки для голосования пришло всего 47,8 % населения [18, с. 72]. Есть основания полагать, что реальный процент оказался даже ниже объявленного.

Предельно низким оказался процент проголосовавших в «двух столицах» России. Так, в Москве проголосовало 35,18% избирателей, что намного меньше, чем в ходе всех парламентских выборов прошлых лет. В Петербурге явка оказалась еще ниже – 32,47%.

Самая высокая явка была зафиксирована в Чеченской республике – 94,9%, в республике Дагестан – более 88,1%, в республиках Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской – более 90% [2]. Но подобные числа – скорее исключение, чем правило.

Комментируя ситуацию, пресс-секретарь президента Д.С. Песков не посчитал явку низкой и уверял, что она «не влияет на сами результаты выборов, на их убедительность» [2]. А президент В.В. Путин отметил: «Люди проявили гражданскую позицию. Явка не самая большая, какой была в предыдущей кампании, но высокая» [10].

Если первые лица государства оценивают явку в 47,8% как высокую, то можно заключить, что, пока «Единая Россия» с отрывом побеждает в выборах и имеет уверенное большинство в Государственной Думе, их будет устраивать любой процент явки.

Е.Б. Шестопал, анализируя изменения массового сознания россиян после выборов, приходит к выводу, что прямолинейность и жесткость предвыборной пропаганды, упрощенная подача политической информации вызвала у граждан «ощущение скуки и предре-

шенности результатов выборов, была воспринята ими как неуважение к избирателям и способствовала их политической демобилизации, что сказалось на невысокой явке электората, особенно в крупных городах» [16, с. 135].

Феномен относительного снижения электоральной активности следует рассматривать в контексте постепенного нарастания признаков консервации политического режима в России, усиления его авторитарных черт. Эксперты отмечают, что в первое десятилетие XXI века в России шел процесс фактической ликвидации принципа разделения властей посредством умаления самостоятельности законодательной и судебной ветвей власти, устанавливался (прямой или косвенный) государственный контроль над большинством СМИ. Оформилась сильная партия власти, которая монополизировала политическое поле, создавались рычаги управления другими партиями и партийной системой в целом.

А после всплеска «белоленточного» движения зимой-весной 2011/12 годов и окончания президентства Д.А. Медведева политический режим стал решительнее подменять собственной активностью активность всех других политических акторов. Как уже отмечалось выше, он постарался вытеснить с политического рынка все значимые формы политического протеста.

В результате «круг реально выполняемых российскими партиями функций постепенно со-

кращался, все более и более сводясь всего к двум функциям – электоральной мобилизации населения и легитимации парламентов» [14, с. 19]. И Думские выборы осени прошлого года продемонстрировали, что нынешние партии имеют проблемы и с выполнением этих функций: в совокупности они смогли мобилизовать меньше половины всего электората страны.

Таким образом, общая консервация режима привела к аналогичному процессу в партийной системе. Основными чертами ее консервации и общего кризиса специалисты называют отсутствие реальной конкуренции между партиями, управляемый характер партийной системы, «конформизм политической линии системных партий по отношению к исполнительной власти, ориентация партий в своей парламентской деятельности не столько на интересы избирателей, сколько на президента РФ» [14, с. 20].

Это, в свою очередь, порождало у избирателей разочарование деятельностью парламента и правительства. «В отсутствие альтернативы люди потеряли интерес к выборам. Из политики практически полностью была исключена ее основа – борьба» [8]. Дополнительным демотиватором для избирателей служило осознание своей неспособности повлиять на результат. Следствием всего стала политическая демобилизация населения, разочарование в институте выборов вообще. Можно констатировать, что выборы депутатов Государствен-

ной Думы VII созыва в сентябре 2016 года стали показательным примером отчуждения общества от власти и власти от общества.

Но такое положение дел, очевидно, выгодно правящей элите, которая, отпугнув большую часть населения от выборов, значительно укрепила свои позиции в парламенте и продолжает удерживать контроль над законодательной ветвью власти. Не исключено, что вся летняя предвыборная кампания 2016 года была направлена именно на так называемую «сушку явки», и в итоге процент пришедших на избирательные участки оказался даже ниже ожидаемого. В любом случае, представляется, что предполагаемая цель была достигнута, а институт выборов – в определенной мере дискредитирован в глазах населения.

Возможным негативным эффектом процесса консервации режима при нарастающем отчуждении власти и общества может стать повышение рисков дестабилизации политической системы.

Так, анализируя динамику политического режима в постсоветской России, Г. Хейл видит несколько сценариев его развития в ближайшее время. Согласно одному из них, общественная поддержка В.В. Путина и его политического режима может упасть до критической отметки, и в результате выборов либо под воздействием протестного движения режим может рухнуть. В сложившейся ситуации негативно повлиять на репутацию руко-

водства может экономический спад. Последнему способствует широкое распространение коррупции – очевидного тормоза экономического развития страны.

Два других возможных сценария Г. Хейл выделяет в качестве главных: «продленный путинизм», в котором В. Путин продолжит осуществлять политику «микроуправляемой демократии» до 2025 года самостоятельно либо с помощью преемника, а также сценарий «режимных циклов», который имеет шансы на реализацию в условиях резкого падения популярности. Суть упомянутого сценария сводится к завершению путинского режимного цикла и утверждению нового режима, который будет очень похож на предыдущий и вскоре уступит место следующему. Короткий цикл, по утверждению Генри Хейла, может завершиться еще до президентских выборов 2018 года, если популярность Владимира Путина упадет значительно раньше, и в конечном счете он потерпит поражение в соперничестве с оппозиционным кандидатом-демократом. «Более длительный цикл возможен в том случае, если Путин останется у власти в 2018-м, но затем его популярность начнет резко падать и в преддверии выборов 2024 года развернется ожесточенная борьба за президентский пост, которая может достичь пика еще до самих выборов, в результате чего подобранный Путиным преемник проигрывает» [13, с. 47–48].

Также не исключается возможность перехода российского режима из гибридного состояния в полную автократию. Согласно данному сценарию, в качестве ответа на протесты 2011–2012 годов политическая система будет становиться все более закрытой: сначала уступки, а потом закручивание гаек.

Данная тенденция проступает в России все более отчетливо, и если консервация режима будет продолжаться, то вполне возможной может представляться перспектива будущего «превращения России в Узбекистан» [13, с. 48]. Впрочем, сам Г. Хейл называет такой сценарий самым маловероятным. Но при этом оговаривается, что от России принято ожидать неожиданное.

Итак, можно заключить, что в третий президентский срок В.В. Путина гибридный режим, установившийся в России ранее, становится все более закрытым, стремится подавить любую инициативу к переменам с целью обеспечить себе как можно более долгое существование.

Выборы 18 сентября 2016 года продемонстрировали заметное снижение политического участия избирателей и сокращение суммарного уровня поддержки всех системных парламентских партий, то есть существенно сократилось доверие общества не только к партийной системе, но и к власти как таковой.

По результатам выборов в Государственную Думу прошли все те же парламентские партии – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Ни партии непарламентской оппозиции – «Яблоко» и ПАРНАС, ни новые партии, созданные и возрожденные в условиях партийной реформы 2012 г., в Думу не прошли. Расстановка политических сил между партиями осталась прежней.

Режим, подчиняя себе все ветви власти, делая партийную систему лояльной, дискредитируя перед избирателем институт выборов, по всей логике будет предпринимать дальнейшие шаги по достижению полного контроля над обществом.

Сегодня перспектива превращения России из «микроуправляемой демократии» в полноценную авторитарную диктатуру представляется одним из вероятных сценариев развития. Именно к такой стабильности может стремиться режим. Однако всплеск протестного движения, который был спровоцирован появлением в марте 2017 года в сети Интернет фильма-расследования «Он вам не Димон», указывает на то, что в стране сохраняются риски дестабилизации. И на этом могут сыграть как внутренние, так и внешние противники режима.

Библиографический список

1. Баранов Н.А. Политический режим современной России // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. № 8 (35): Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. – СПб. – 2007. – С. 54–64.
2. «Выборы-2016. Итоги» [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 19.09.2016. URL: <http://www.interfax.ru/russia/528903> (дата обращения: 07.12.2017).
3. Зырянов С.Г. Парламентские выборы 2016 года в России: риски для политического режима // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 36–43.
4. Кочетков А.П. Кто победит на выборах в Государственную думу 2016 г.? // Власть. – 2016. – № 6. – С. 35–38.
5. Мартынов К.К. Конкуренция не нужна: как Россия решила вернуться к однопартийности [Электронный ресурс] // РБК. – 19.09.2016. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/19/09/2016/57dfb8129a7947e0e63f89a2> (дата обращения: 07.12.2017).
6. Между демократией и автократией. Независимая газета. 24.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/scenario/2015-11-24/10_autokratia.html (дата обращения: 07.12.2017).
7. Никоненко С.А. Навстречу думским выборам 2016 г.: готовность и предпосылки взаимодействия политических партий и гражданского общества // Вестник ТГУ. – 2015. – № 4 (4). – С. 5–13.
8. Перцев А. Пятилетка КОЛа. Как Вячеслав Володин изменил российскую политику [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. – 05.10.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64783> (дата обращения: 25.04.2017).
9. Петров В. Избраны / В. Петров // Российская газета. – 2016. – 24 сентября. – № 70831 (215). – С. 1–2.
10. Посещение штаба партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // Президент России. События. – 18.09.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52910> (дата обращения: 07.12.2016).
11. Скорнякова С.С. Политический режим и его эволюция в современной России // Социология и право. – 2012. – № 2 (13). – С. 37–43.
12. Хазов А.М. Перспективы переходного состояния политического режима в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Юриспруденция». – М.: МГОУ. – 2012. – № 1 (раздел «История и теория государства и права. Вопросы политологии») – С. 5–9.
13. Хейл Г. Динамика правящего режима в России // Pro et Contra. – 2012. – № 4–5. – Июль–октябрь – С. 33–53.
14. Чувилина Н.Б. Выборы в Государственную думу осенью 2016 г. как индикатор актуального состояния российской партийной системы // Власть. – 2016. – № 11. – С. 17–22.
15. Шевцова Л.Ф. Смена Режима или Системы? // Полис. – 2004. – № 1. – С. 46–50.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

16. Шестопа́л Е.Б. Психологическое состояние массового политического сознания российских граждан после выборов в Государственную думу РФ 2016 г. / Е.Б. Шестопа́л, А.Л. Зверев, С.В. Нестерова, Н.В. Смулькина // Политическая наука. – 2016. – Спецвыпуск. – С. 127–148.

17. Явлинский, Г.А. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия. [Текст]. / Г. Явлинский // Медиум. Москва. 2015. – 264 с.

18. Яшкова Т.А. Инновация в системе выборов в Государственную думу 2016 года // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – 2016. – №. 10-2. – С. 72–73.

References

1. Baranov N. A. *Politicheskiy rezhim sovremennoy Rossii* [The political regime of modern Russia]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. 8 (35). *Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. Nauchnyy zhurnal. St. Petersburg, 2007. S. 54–64.

2. «Vybory-2016. Itogi» [Elections-2016. Results]. 19.09.2016. URL: <http://www.interfax.ru/russia/528903> (data obrashcheniya: 07.12.2017).

3. Zyryanov S.G. *Parlamentskie vybory 2016 goda v Rossii: riski dlya politicheskogo rezhima* [Parliamentary elections in 2016 in Russia: risks for the political regime]. *Sotsium i vlast'*. 2016. 1 (57). S. 36–43.

4. Kochetkov A.P. *Kto pobedit na vyborakh v Gosudarstvennuyu dumu 2016 g.?* [Who will win the elections to the State Duma in 2016?]. *Vlast'*. 2016. 6. S. 35–38.

5. Martynov K. K. *Konkurenciya ne nuzhna: kak Rossiya reshila vernut'sya k odnopartiynosti* [Competition is not needed: how Russia decided to return to one-party system]. 19.09.2016. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/19/09/2016/57dfb8129a7947e0e63f89a2> (data obrashcheniya: 07.12.2017).

6. *Mezhdum demokratiey i avtokratiey*. *Nezavisimaya gazeta*. 24.11.2015 [Between democracy and autocracy. Independent newspaper]. URL: http://www.ng.ru/scenario/2015-11-24/10_autokratia.html (data obrashcheniya: 07.12.2017).

7. Nikonenko S.A. *Navstrechu dumskim vyboram 2016 g.: gotovnost' i predposylki vzaimodeystviya politicheskikh partiy i grazhdanskogo obshchestva* [Towards the Duma elections in 2016: readiness and prerequisites for interaction between political parties and civil society]. *Vestnik TGU*. 2015. 4 (4). S. 5–13.

8. Pertsev A. *Pyatiletka KOLa. Kak Vyacheslav Volodin izmenil rossiyskuyu politiku* [Five Years of Kol. How Vyacheslav Volodin changed Russian policy]. *Moskovskiy tsentr Karnegi*. 05.10.2016. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64783> (data obrashcheniya: 25.04.2017).

9. Petrov V. *Izbrany* [Elected]. *Rossiyskaya gazeta*. 2016. 24 sentyabrya. 70831 (215). S. 1–2.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

10. *Poseshchenie shtaba partii «Edinaya Rossiya»* [Visit to the headquarters of the party "United Russia"]. *Prezident Rossii. Sobytiya*. 18.09.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52910> (data obrashcheniya: 07.12.2016).

11. Skornyakova S.S. *Politicheskiy rezhim i ego evolyutsiya v sovremennoy Rossii* [Political regime and its evolution in modern Russia]. *Sotsiologiya i pravo*. 2012. 2 (13). S. 37–43.

12. Khazov A.M. *Perspektivy perekhodnogo sostoyaniya politicheskogo rezhima v sovremennoy Rossii* [Perspectives of the Transitional State of the Political Regime in Modern Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya»*. Moscow, 2012. 1 (razdel «Istoriya i teoriya gosudarstva i prava. Voprosy politologii»). S.5–9.

13. Kheyl G. *Dinamika pravyashchego rezhima v Rossii* [Dynamics of the ruling regime in Russia]. *Pro et Contra*. 2012. 4–5. S. 33–53.

14. Chuvilina N.B. *Vybory v Gosudarstvennyuyu dumu osen'yu 2016 g. kak indikator aktual'nogo sostoyaniya rossiyskoy partiynoy sistemy* [Elections to the State Duma in autumn 2016 as an indicator of the current state of the Russian party system]. *Vlast'*. 2016. 11. S. 17–22.

15. Shevtsova L.F. *Smena Rezhima ili Sistemy?* [Смена Режима или Системы?]. *Polis*. 2004. 1. S. 46–50.

16. Shestopal E.B. *Psikhologicheskoe sostoyanie massovogo politicheskogo soznaniya rossiyskikh grazhdan posle vyborov v gosudarstvennyuyu dumu RF 2016 g.* [Psychological state of mass political consciousness of Russian citizens after elections to the State Duma of the Russian Federation 2016]. *Politicheskaya nauka*. 2016. Spetsvypusk. S. 127–148.

17. Yavlinskiy, G.A. *Periferiynyy avtoritarizm. Kak i kuda prishla Rossiya*. [Peripheral authoritarianism. How and where came Russia]. Moscow, 2015. 264 s.

18. Yashkova T.A. *Innovatsiya v sisteme vyborov v Gosudarstvennyuyu dumu 2016 goda* [Innovation in the system of elections to the State Duma 2016]. *Novaya nauka. Opyt, traditsii, innovatsii*. 2016. 10–2. S. 72–73.

УДК 316.356.2

Амбур Ю.Д., Антонова Н.В.

Институционализация и легитимизация фактического брака

В данной статье рассматривается фактический брак как форма брачно-семейных отношений. Основное внимание уделено возникновению, развитию, институционализации и легитимизации фактического брака как социального феномена. Приводится различие терминов «фактический брак», «гражданский брак», «сожитительство», «неформальный брак» и «пробный брак».

Ключевые слова: брак, гражданский брак, институционализация фактического брака, легитимизация фактического брака, незарегистрированный брак, официально зарегистрированный брак, семья, фактический брак

Амбур Ю.Д., студентка Южно-Уральского государственного университета по направлению «Социология»

Антонова Н.В., доцент кафедры социологии и политологии Южно-Уральского государственного университета

Ambur Y.D., Antonova N.V.

Institutionalization and legitimization of actual marriage

This article deals with actual marriage as a form of marriage and family relations. The main attention is paid to the emergence, development, institutionalization and legitimization of actual marriage as a social phenomenon. A distinction is made between the terms "actual marriage", "civil marriage", "cohabitation", "informal marriage" and "trial marriage".

Keywords: marriage, civil marriage, institutionalization of actual marriage, legitimization of actual marriage, unregistered marriage, officially registered marriage, family, actual marriage.

Ambur Y.D., a student of the
South Ural State University

Antonova N.V., docent of sociology
and political science department of
the South Ural State University

Ambur Yu.D., Antonova N.V.

Institucionalización y legitimación matrimonio real

Este artículo trata sobre el matrimonio real como una forma de matrimonio y las relaciones familiares. Se presta la atención principal al surgimiento, desarrollo, institucionalización y legitimación del matrimonio real como un fenómeno social. Se hace una distinción entre los términos "matrimonio real", "matrimonio civil", "cohabitación", "matrimonio informal" y "matrimonio de prueba".

Palabras clave: matrimonio, matrimonio civil, institucionalización del matrimonio real, legitimación del matrimonio real, matrimonio no registrado, matrimonio registrado oficialmente, familia, matrimonio real

Ambur Yu.D., un estudiante de la Universidad Estatal del Sur Ural en dirección a "Sociología"

Antonova NV, profesor asociado del Departamento de Sociología y Ciencias Políticas de la Universidad Estatal del Sur Ural

Семья выступает основным социальным институтом, который выполняет функции воспроизводства населения, первичной социализации индивидов и стабилизации общества. Трансформация брачно-семейных отношений является одной из актуальных проблем современного общества. На смену традиционным практикам приходят новые формы брачных отношений, которые получают все большее распространение и вносят изменения в самую суть института семьи, оказывая влияние на его функционирование.

Статистические данные Всероссийской переписи населения 2010 года демонстрируют снижение количества официальных браков и все большее предпочтение людей вступать в незарегистрированные брачные отношения. Значительное влияние на распространение данного явления оказывают перенятие опыта у западных стран и процессы глобализации. По данным переписи 2002 года в незарегистрированном браке состояли 3,3 миллиона (9,7%) россиян, а в 2010 году уже 4,4 миллиона (13%) из общего числа супружеских пар [3].

Необходимо отметить, что в социологической литературе встречаются различные обозначения такого социального феномена как незарегистрированный брак – «фактический брак», «гражданский брак», а также «сожительство», «неформальный брак», «пробный брак». Для дальнейшего анализа следует разграничить данные понятия.

Термин «гражданский брак» с начала своего появления имел различные, постоянно меняющиеся значения. Так, в Большой российской энциклопедии (1920–1940) гражданский брак – это «брак, оформленный в соответствующих органах государственной власти без участия церкви». А в толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова (1934–1940) уточняется: «брак, зарегистрированный гражданскими властями; до революции – внебрачное сожительство». Далее в словаре русского языка С.И. Ожегова (1949) этот термин не упоминается, однако автор выделял несколько разновидностей брака, перечисляя их через запятую: церковный, гражданский и незарегистрированный, тем самым показывая, что это разные понятия. В Большом энциклопедическом словаре (1979) и затем в Российском энциклопедическом словаре (2001) в определении гражданского брака появляется приписка: «... брак, оформленный в соответствующих органах государственной власти без участия церкви. Иногда гражданским браком называют также фактический брак» [5, с. 203].

Однако термин «фактический брак», как пишет в своей статье Л.Р. Муртазина, одинаково подходит и к зарегистрированному, и к незарегистрированному браку, поскольку «имеет отношение скорее к признанию реальности, действительности» [4, с. 69]. Тем не менее, данным термином чаще всего обозначают незареги-

стрированный, но реально функционирующий брак.

Более простой термин «сожителство» официально используется в юридической практике для обозначения незарегистрированных браков. Данное понятие появилось еще в советский период, когда господствующая идеология осуждала подобную связь между мужчиной и женщиной. Однако термин «сожителство» является более широким и использование его в качестве синонима незарегистрированного брака чаще всего некорректно, т.к. под сожителством можно понимать любые интимные связи между женщинами и мужчинами, не являющимися формой брака.

Также в социологической литературе используются такие термины как «формальный» и «неформальный брак». Под формальным браком понимают либо зарегистрированный, но фактически распавшийся и официально не расторгнутый брак, либо фиктивный брак, в который вступают из каких-то личных соображений (например, для получения прописки или гражданства), но не проживают вместе, не ведут общее хозяйство и не имеют фактических супружеских обязанностей друг перед другом. Следовательно, под неформальным браком понимается противоположный формальному вид брака: фактически существующий, но официально незарегистрированный.

И последний рассматриваемый термин «пробный брак» считается скорее уточняющей

характеристикой незарегистрированного брака и является, по сути, фактическим браком.

В современном обществе мы представляем официально незарегистрированный брак как одну из его разновидностей, отличающуюся от других, но представляющую собой форму брачно-семейных отношений. Главное отличие «официального незарегистрированного брака» от «официально зарегистрированного» заключается: во-первых, в отсутствии в современном законодательстве о семье и браке соответствующих механизмов правовой защиты супругов и детей при распаде данного брака, а во-вторых, в феномене запаздывания законодательных актов от фактически уже институализированных практик брачного партнерства [1].

Появление и распространение фактического брака как социального феномена началось в западных странах значительно раньше, чем в России. Следовательно, он подвергся концептуализации в западной социологической литературе раньше, чем в отечественной. На это повлияло множество различных факторов:

1. Переход к гендерному равенству, расширение возможностей женщин в различных сферах;

2. Смена типа семьи с традиционного на нуклеарный, равномерность в распределении домашних обязанностей;

3. Преобладание супружеских отношений над всеми остальными, рост значимости эмоциональной и интимной

близости супругов, вытеснение детей на вторые роли;

4. Распространение и институционализация новых семейных практик и моделей супружества, таких как сожительство, фактический брак, гражданский брак, пробный брак.

Фактический брак не является исключительно практикой последних десятилетий. Практически институционализация фактического брака в России началась более ста лет назад в дооктябрьском российском обществе, однако идеологически не поддерживалась. Тем не менее, для придания браку легитимности достаточно было освятить его в церкви. Позднее идеология советского общества выступала против фактических браков, и они вновь стали осуждаемыми. И наконец, они снова распространились в 1970-1990-е гг., стали массовыми практиками в постсоветском обществе и уже в XXI веке приобрели статус легитимности в общественном мнении.

Социолог А.Р. Муртазина пишет, что «гражданский брак в постсоветском российском обществе находится на завершающей стадии превращения его в новый социальный институт, так как индивидуальные практики подобного брака уже приобрели свойство объективности, фактически легитимизированы общественным мнением» [4, с. 70].

Это подтверждается данными общероссийского опроса населения, проведенного в 2004 году [2]. Так, для некоторых сожительство – это «приватизиро-

ванный брак, полноценная замена брачному союзу». Для других – это «пробный» брак, расцениваемый как возможность проверить совместимость характеров и прочность чувств, чтобы впоследствии принять (или не принять) решение о браке с полной ответственностью и адекватным представлением о партнере. Для третьих сожительство – это удобный способ быть вместе с близким человеком, но не заменяющий брак. Чаще всего именно молодежь выбирает незарегистрированный союз в качестве альтернативы зарегистрированному браку, однако эта тенденция также распространяется на людей зрелого и даже пожилого возраста. И некоторые из них проживают в незарегистрированном браке всю жизнь [5, с. 205].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В современном российском обществе происходит изменение традиционных брачных отношений. Фактический брак как социальный феномен становится все более распространенным. Несмотря на популярность этой формы отношений, до сих пор наблюдается путаница в терминах не только в быденном, но и в научном сознании. Общим компонентом всех определений является «брак», но отмечаются его особенности, такие как наличие самих брачно-семейных отношений, дальнейшее их узаконивание или неузаконивание, смысл, вкладываемый в отношения. Общественное мнение стало более толерантным к данному явлению и

легитимизировало фактический брак, хотя и отдает предпочтение официально зарегистрированной форме брака. Однако, несмотря на идеологические возражения, фактический брак проявил высокую степень выживания как форма брачно-семейных отношений (с дооктябрьского периода 1917 года до современного российского общества XXI века). Но основная проблема заключается в том, что люди чаще всего не отдают себе отчета в том, чем для них является фактический брак: пробным браком, кото-

рый закончится официальной регистрацией в ЗАГСе, или полноценной заменой официально зарегистрированного брака. Следовательно, чтобы прогнозировать будущее существование данного типа брака, необходимо его изучать и определить, какой смысл люди вкладывают в него, а также то, насколько различается выполнение семейных функций, ролей и другие особенности брачно-семейных отношений в зарегистрированной и незарегистрированной формах брака.

Библиографический список

1. Амбур Ю.Д. Фактический брак как социальный феномен [Электронный ресурс] / Ю.Д. Амбур // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – <http://hdl.handle.net/10995/46665>.
2. Вовк Е. Смыслы и значения незарегистрированных отношений: разновидности брака или альтернативы ему? (часть 2) [Электронный ресурс] / Е. Вовк // Социальная реальность. – 2005. – № 2. – www.bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number1_05/gur050205.
3. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. – <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php>.
4. Муртазина Л.Р. Легитимизация «гражданского брака» в общественном мнении как новый феномен российского общества / Л.Р. Муртазина // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 68–71.
5. Петрова Л.Н. Незарегистрированные браки и их социальные последствия / Л.Н. Петрова // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2009. – № 10. – С. 202–207.

References

1. Ambur Yu.D. *Fakticheskiy brak kak sotsial'nyy fenomen* [Actual marriage as a social phenomenon], *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya*. Ekaterinburg, 2017. <http://hdl.handle.net/10995/46665>.
2. Vovk E. *Smysly i znacheniya nezaregistrirovannykh otnosheniy: raznovidnosti braka ili al'ternativy emu? (chast' 2)* [The meanings and meanings of unregistered relationships: a variety of marriage or an alternative to it? (part 2)]. *Sotsial'naya real'nost'*. 2005. 2. www.bd.fom.ru/report/cat/journ_socrea/number1_05/gur050205.

3. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda [All-Russian Population Census 2010]. <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php>.

4. Murtazina L.R. *Legitimizatsiya «grazhdanskogo braka» v obshchestvennom mnenii kak novyy fenomen rossiyskogo obshchestva* [Legitimization of "civil marriage" in public opinion as a new phenomenon of Russian society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2011. 4. S. 68–71.

5. Petrova L.N. *Nezaregistrirrovannye braki i ikh sotsial'nye posledstviya* [Unregistered marriages and their social consequences]. *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2009. 10. S. 202–207.

УДК 001 + 130.224

Лайне А.Е.

Эволюция государственной политики России в области премирования научных исследований в первые десятилетия XXI века

В статье проанализирована эволюция российского законодательства в области премирования научных исследований в 2000-2016 годах на основе государственных и правительственных премий Российской Федерации. Дана попытка охарактеризовать влияние этих изменений на развитие и состояние науки в России.

Ключевые слова: государственное премирование, государственная премия, правительственная премия, премия, наука, научные исследования

Лайне А.Е., магистрант Высшей школы экономики и управления НИУ ЮУрГУ, e-mail: kaiara@mail.ru

Laine A.E.

**Evolution of Russian state policy
in the field of awarding scientific research
in the first decades of the XXI century**

In this article author analyzes the evolution of Russian legislation in the field of awarding scientific research in 2000-2016 on the basis of state and government prizes of the Russian Federation. An attempt to characterize the impact of these changes on the development and state of science in Russia is given.

Keywords: state award, state prize, government prize, award, science, scientific research

Laine A.E., student of the
South Ural State University,
e-mail: kaiara@mail.ru

Laine A.E.

Evolución de la política pública en el campo de los bonos investigación científica en las primeras décadas del siglo XXI

El artículo analiza la evolución de la legislación rusa en el campo de la adjudicación de investigación científica en 2000-2016 sobre la base de los premios estatales y gubernamentales de la Federación de Rusia. Se intenta caracterizar el impacto de estos cambios en el desarrollo y el estado de la ciencia en Rusia.

Palabras clave: bonificación estatal, premio estatal, premio gubernamental, premio, ciencia, investigación científica

Laine AE, estudiante de maestría de la Escuela Superior de Economía y Gestión del Instituto de Investigación de SUSU, correo electrónico: kaiara@mail.ru

Основополагающие документы о развитии науки в России – Федеральный закон от 23.08.1996 «О науке и научно-технической политике» и Письмо Президента РФ от 30.03.2002 «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» – признают науку социально значимой отраслью, фактором, определяющим место России в современном мире, одним из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. В этих документах декларируется широкая финансовая поддержка научных исследований и экспериментальных разработок. Одним из способов такой поддержки является государственное премирование научных достижений, которое ставит целью стимулирование и популяризацию дальнейших актуальных исследований, развитие научного потенциала России, поддержку ученых. Поэтому, проанализировав эволюцию в 2000-2016 годах системы премирования науки, можно понять соответствует ли декларируемое фактическому положению дел.

На данный момент почти нет исследований и трудов, посвященных эволюции российского государственного премирования в области научных достижений и ее оценке (за исключением работ В.А. Винокурова [1], [2]). Не проведен наукометрический анализ присужденных премий. Внимание исследователей, изучающих финансирование науки, в основном обраще-

но на гранты, субсидии и государственные заказы.

В данной статье будут рассмотрены наиболее крупные государственные и правительственные премии в области науки в период с 2000 по 2016 гг., деньги на которые выделяются из бюджета. К этим премиям относятся: Государственная премия (ГП) РФ в области науки и техники, ГП РФ для молодых ученых за выдающиеся работы в области науки и техники, ГП РФ имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, Премия Правительства (ПП) РФ в области науки и техники, ПП РФ для молодых ученых в области науки и техники, ПП РФ имени Ю.А. Гагарина в области космической деятельности, Премия Президента РФ в области науки и инноваций для молодых ученых.

ГП РФ в области науки и техники была учреждена в 1992 году. На момент начала исследуемого периода (2000 – 2016 гг.) Распоряжением Президента РФ от 05.06.1992 (с изм. от 06.12.1999) «О Государственных премиях Российской Федерации в области науки и техники» [8] подразумевалось вручение 30 ежегодных премий, денежное вознаграждение за каждую из которых равнялось 3000-кратному МРОТ. Премия могла присуждаться как одному соискателю, так и коллективу, состоящему не более чем из 8-ми человек:

– за значительный вклад в развитие естественных, гуманитарных и технических наук, соответствующий уровню передовых достижений в мире и способ-

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017 КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

ствующий решению проблем развития регионов и отраслей народного хозяйства Российской Федерации;

– за разработку и внедрение принципиально новых ресурсосберегающих и экологически чистых технологий и техники, прогрессивных материалов, машин и механизмов, которые по своим показателям находятся на уровне лучших мировых аналогов;

– за выдающиеся производственные результаты в отраслях народного хозяйства Российской Федерации, полученные на основе широкого внедрения достижений науки и техники, обеспечивающие создание качественно новых видов продукции.

С 2004 года ГП РФ в области науки и техники претерпела значительные изменения. Указ Президента РФ от 21.06.2004 «О совершенствовании системы государственного премирования за достижения в области науки и техники, образования и культуры» [10] признавал утратившим силу прежнее Распоряжение 1992 года и по сути учредил новые ГП РФ в области науки и технологий. В первой редакции данного Указа подразумевалось ежегодное присуждение лишь трех премий, в четвертой редакции – четырех. Размер вознаграждения устанавливался равным 5 млн. рублей. Таким образом, если пролонгировать прежнюю систему вознаграждения, равную 3000-кратному МРОТ, устанавливаемому Федеральным законом, до 2016 года, мы получим

уменьшение размера премий лишь в 2005 и 2006 годах, а с 2007 – увеличение в сравнении с новым исчислением. Так, в 2007 году лауреаты получили бы уже 6 млн. 900 тыс. руб., а в 2016 – 22 млн. 500 тыс. руб. вместо фиксированных 5 млн. руб. сейчас (см. табл.1).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Таблица 1. Динамика выплат государственных премий в области науки и технологий

Год	МРОТ 2000–2016 (руб.) [16]	3000-кратный МРОТ (руб.)	ГП РФ в области науки и технологий (руб.)	1500-кратный МРОТ (руб.)	ГП РФ имени маршала Г.К. Жукова (руб.)
2016	7 500	22 500 000	5 000 000	11 250 000	300 000
2015	5 965	17 895 000	5 000 000	8 947 500	300 000
2014	5 554	16 662 000	5 000 000	8 331 000	300 000
2013	5 205	15 615 000	5 000 000	7 807 500	300 000
2012	4 611	13 833 000	5 000 000	6 916 500	300 000
2011	4 611	13 833 000	5 000 000	6 916 500	300 000
2010	4 330	12 990 000	5 000 000	6 495 000	300 000
2009	4 330	12 990 000	5 000 000	6 495 000	300 000
2007	2 300	6 900 000	5 000 000	3 450 000	300 000
2006	1 100	3 300 000	5 000 000	1 650 000	300 000
2005	800	2 400 000	5 000 000	1 200 000	300 000
2003	600	1 800 000	—	900 000	300 000
2002	450	1 350 000	—	675 000	300 000
2001	300	900 000	—	450 000	—
2000	132	396 000	—	198 000	—

Так же сократилось максимальное число участников награждаемого коллектива. С 2000 – 2004 гг. в коллектив могло входить до 8-ми человек, с 2005 и по настоящее время – до 3-х. И если денежное вознаграждение делилось поровну между лауреатами, то диплом, почетный знак, удостоверение к нему и фразный знак вручаются каждому отдельно.

Сузился круг лиц, имеющих право выдвигать соискателей на ГП РФ в области науки и техники, сейчас – науки и технологий. В 2000 – 2004 гг. этим правом обладали министерства и ведомства Российской Федерации, академии и их отделения, правительства республик, органы исполнительной власти краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга, объединения, предприятия, высшие учебные заведения, научные организации. В соответствии с Указом от 21.06.2004 таким правом стали обладать только лауреаты Ленинской премии, Государственной премии СССР и Государственной премии Российской Федерации, а также действительные члены государственных академий наук. Этим же Указом вводилось единое Положение для двух премий: ГП РФ в области науки и технологий и ГП РФ в области литературы и искусства, которые позже, однако, опять были разделены уже Указом Президента РФ от 28.09.2015 «Об утверждении Положения о Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий и Положения

о Государственной премии в области литературы и искусства» [12].

Более расплывчатыми, по сравнению с предыдущим Положением о ГП РФ в области науки и техники, стали критерии оценки заслуг ученых. В 2004 – 2015 гг. ГП РФ в области науки и технологий стала присуждаться за выдающиеся работы, открытия и достижения, результаты которых существенно обогатили отечественную и мировую науку и оказали значительное влияние на развитие научно-технического прогресса. Исправил это упущение вышеупомянутый Указ Президента РФ от 28.09.2015, сформулировавший более четкие критерии, которые перекликаются с Распоряжением 1992 года. С 2015 года ГП РФ присуждается за результаты научных исследований, существенно обогативших отечественную и мировую науку и внесших значительный вклад в развитие естественных, технических и гуманитарных наук, а также за разработки образцов новой техники и прогрессивных технологий, обеспечивающих инновационное развитие экономики и социальной сферы, а также укрепление обороноспособности страны.

Аналогичные изменения произошли с ГП РФ имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова – премии, отнесенной законодателем к государственным премиям в области науки и техники [9], и присуждающейся гражданам Российской Федерации ежегодно:

- в области военной науки
- в области создания вооружения и военной техники
- в области литературы и искусства

В первой редакции Указа Президента РФ от 28.10.1996 «О Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова» [11] денежное вознаграждение устанавливалось равным 1500-кратному МРОТ, однако со второй редакции от 21.06.2002 его размер был уменьшен до 300 000 руб. Соответственно, сравнив две системы исчисления премий, мы увидим существенное его сокращение (см. табл. 1). Также было ограничено до 16 человек число награждаемых ежегодно лауреатов. В первой редакции максимальное число лауреатов могло достигать 24 человек, 8 человек на каждую категорию премии.

Еще одна подвергнувшаяся серьезным изменениям премия – премия Правительства РФ в области науки и техники, учрежденная Постановлением Правительства РФ от 26.07.1994 [5]. До 2004 года присуждалось 50 ежегодных ПП за работы, в результате которых получен значительный экономический или социальный эффект, разработаны принципиально новые технологии и техника, приборы, материалы, оборудование, вещества, и за создание высококачественных учебников для образовательных учреждений РФ, равные 4500-кратному МРОТ каждая. При этом размер премии, выплачиваемой каждому лауре-

ату, был равен 300-кратному МРОТ. Число награждаемых по каждой работе не должно было превышать 15 человек, не считая неограниченного числа авторов учебников. В 2004 году Постановление Правительства РФ от 26.08.2004 «О Премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники» [4] признало утратившим силу Постановление и Положение о ПП РФ 1994 года, а также устанавливало новую премию с таким же наименованием. Учреждалось теперь уже 40 ежегодных ПП, 10 из которых должны присуждаться за работы в сфере обороны и безопасности, в размере 1 млн. рублей каждая (см. табл. 2). По новому Положению ПП РФ больше не присуждались за разработку высококачественных учебников, а награждаемый коллектив должен был состоять не более чем из 10 человек.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Таблица 2. Динамика выплат государственных премий в области науки и технологий молодым ученым

Год	МРОТ 2000-2016 (руб.) [16]	300-кратный МРОТ (руб.)	ПП РФ в области науки и техники (руб.)	700-кратный МРОТ (руб.)	ПП РФ в области науки и техники для молодых ученых (руб.)
2016	7 500	2 250 000	1 000 000	5 250 000	500 000
2015	5 965	1 789 500	1 000 000	4 175 500	500 000
2014	5 554	1 666 200	1 000 000	3 887 800	500 000
2013	5 205	1 561 500	1 000 000	3 643 500	500 000
2012	4 611	1 383 300	1 000 000	3 227 700	500 000
2011	4 611	1 383 300	1 000 000	3 227 700	500 000
2010	4 330	1 299 000	1 000 000	3 031 000	500 000
2009	4 330	1 299 000	1 000 000	3 031 000	500 000
2007	2 300	690 000	1 000 000	1 610 000	500 000
2006	1 100	330 000	1 000 000	770 000	500 000
2005	800	240 000	1 000 000	560 000	500 000
2003	600	180 000	—	420 000	—
2002	450	135 000	—	315 000	—
2001	300	90 000	—	210 000	—
2000	132	39 600	—	92 400	—

ГП РФ для молодых ученых за выдающиеся работы в области науки и техники была учреждена Указом Президента РФ от 29.08.1994 «Об учреждении Государственных премий Российской Федерации для молодых ученых за выдающиеся работы в области науки и техники» (с изменениями от 06.12.1999) [13] и устанавливала ежегодное присуждение 20 ГП молодым ученым в возрасте до 33 лет, равным 700-кратному МРОТ за научные исследования, вносящие выдающийся вклад в развитие естественных, технических и гуманитарных наук и за разра-

ботку и освоение передовой техники, материалов и технологий нового поколения, обеспечивающих повышение темпов и эффективности развития экономики, укрепление обороноспособности страны. Однако вышеупомянутый Указ от 21.06.2004 «О совершенствовании системы государственного премирования за достижения в области науки и техники, образования и культуры» признавал документ утратившим силу и, вероятно, взамен ликвидированной премии Постановлением Правительства РФ от 15.12.2004 [3] была учреждена новая – ПП РФ в

области науки и техники для молодых ученых. Новый документ, аналогично предыдущим, сократил количество присуждаемых ежегодно премий до 7, установив размер каждой в 500 000 руб. Таким образом, денежное вознаграждение премии было сокращено (см. табл.2). Выдвигать свои работы на конкурс больше не могут студенты. А из заслуг, за которые присуждается премия, исчез вклад в гуманитарные науки.

С 2010 года Постановлением Правительства РФ от 05.08.2010 «Об утверждении Положения о премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых» [7] было введено новое Положение о данной премии. Оно конкретизировало заслуги исследователей, за которые присуждается премия, и сдвинуло акценты в сторону большей практической реализации и широкого применения результатов. Теперь премию могут получить не только граждане РФ, но и граждане иностранных государств и лица, без гражданства до 35 лет.

Несмотря на сокращение присуждаемых ежегодно премий в изучаемый период наблюдались и позитивные изменения. В русле проводившейся политики модернизации и инновации Указом Президента РФ от 30.07.2008 «О премии Президента РФ в области науки и инновации для молодых ученых» [14] была учреждена совершенно новая премия. Было установлено, в целях поддержки молодых ученых и специали-

стов, активизации их участия в инновационной деятельности, присуждение трех – с третьей редакции (02.02.2009) – четырех премий Президента РФ в области науки и инновации для молодых ученых по 2 500 000 руб. каждая.

К положительным тенденциям можно также отнести появление еще одной новой премии – премии Правительства РФ имени Ю.А. Гагарина в области космической деятельности в 2011 году [6]. Один раз в 5 лет присуждается 10 таких премий, равных 1 000 000 руб. каждая.

Итак, законодательно сократилось количество всех рассмотренных премий, ужесточились требования к соискателям, сузился круг лиц, имеющих право их выдвигать, при этом денежный размер премий не увеличился. В 2004 году издается Указ Президента РФ «О совершенствовании системы государственного премирования за достижения в области науки и техники, образования и культуры», из-за которого пересматриваются нормативно-правовые акты 1990-х годов, и, тем не менее, с 2010-х законодатель в некоторых вопросах опять возвращается к ним, что характеризует принципы законодательного регулирования премирования в изучаемый период как довольно -таки «плавающие».

Таким образом, проанализировав эволюцию государственной политики в области премирования научных достижений в 2000 – 2016 гг., можно сделать вывод о том, что реальное положение дел не соответствует за-

являемым принципам основополагающих документов о развитии науки в Российской Федерации. В июле 2016 года профсоюз работников РАН обратился с письмом к В.В. Путину с просьбой об увеличении финансирования науки. В письме указывалось, что по данным ОЭСР на фундаментальные научные исследования в России в докризисном 2014 году было выделено всего 0,17% от ВВП, что в разы меньше, чем в развитых странах. Ученые обращали вни-

мание на вновь набирающую обороты утечку мозгов: «уезжают и состоявшиеся ученые, вымотанные постоянными реформами, и талантливые выпускники вузов, не верящие в перспективы отечественной науки» [15]. Снижению этой неблагоприятной тенденции сокращение премирования научных достижений, как одного из способов поддержки ученых и развития научного потенциала, явно не способствует.

Библиографический список

1. Винокуров В.А. Изменения в системе государственного премирования [Текст] // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – №1. – С. 39–42.
2. Винокуров В.А. Награды государства: понятие и виды [Текст] // Юридическая мысль. – 2007. – № 2. – С. 15–32.
3. Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2004 г. N 793 «О премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/187705>.
4. Постановление Правительства РФ от 26 августа 2004 г. N 439 «О премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/6150885>.
5. Постановление Правительства РФ от 26 июля 1994 г. N 873 «Об учреждении премий Правительства Российской Федерации в области науки и техники» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/1582845>.
6. Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2011 г. N 240 «О премиях Правительства Российской Федерации имени Ю.А. Гагарина в области космической деятельности» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/55170978>.
7. Постановление Правительства РФ от 5 августа 2010 г. N 601 «Об утверждении Положения о премиях Правительства Российской Федерации в области науки и техники для молодых ученых» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/199012>.
8. Распоряжение Президента РФ от 5 июня 1992 г. N 282-рп «О Государственных премиях Российской Федерации в области науки и техники» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/6313942>.
9. Телетайпограмма Минтруда РФ № 2181 от 12.04.2002 «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан РФ за выдающиеся достижения и особые заслуги перед РФ» // Социальный мир. N 4. 22-28.04.2002.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

10. Указ Президента РФ от 21 июня 2004 г. N 785 «О совершенствовании системы государственного премирования за достижения в области науки и техники, образования и культуры» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/6150211>.

11. Указ Президента РФ от 28 октября 1996 г. N 1499 «О Государственной премии Российской Федерации имени Маршала Советского Союза Г.К. Жукова» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/1548976>.

12. Указ Президента РФ от 28 сентября 2015 г. N 485 «Об утверждении Положения о Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий и Положения о Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/71201956>.

13. Указ Президента РФ от 29 августа 1994 г. N 1767 «Об учреждении Государственных премий Российской Федерации для молодых ученых за выдающиеся работы в области науки и техники» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/184478>.

14. Указ Президента РФ от 30 июля 2008 г. N 1144 «О премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/193642>.

15. Ученые: Нехватка денег на науку ведет к утечке мозгов. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=16cf728f-4bb3-4ac3-8557-1dfe3e6ab24b&print=1>.

16. Федеральный закон от 19.06.2000 N 82 «О минимальном раз-
мере оплаты труда» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/12119913>.

References

1. Vinokurov V.A. *Izmeneniya v sisteme gosudarstvennogo premi-
rovaniya* [Changes in the system of state awards]. Konstitutsionnoe i mu-
nitsipal'noe pravo. 2016. S. 39–42.

2. Vinokurov V.A. *Nagrady gosudarstva: ponyatie i vidy* [State
awards: concept and types]. Yuridicheskaya mysl'. 2007. 2. S. 15–32.

3. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 dekabrya 2004 g. N 793 «O
premiyakh Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii v oblasti nauki i tekhniki dlya
molodykh uchennykh»* [Elektronnyy resurs] // URL: [http://
base.garant.ru/187705](http://base.garant.ru/187705)

4. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 avgusta 2004 g. N 439 «O prem-
iyakh Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii v oblasti nauki i tekhniki»* [Decree
of the Government of the Russian Federation of December 15, 2004 N
793 "On prizes of the Government of the Russian Federation in the field of
science and technology for young scientists"]. URL: <http://base.garant.ru/6150885>.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

5. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 iyulya 1994 g. N 873 «Ob uchrezhdenii premiy Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii v oblasti nauki i tekhniki»* [Decree of the Government of the Russian Federation of July 26, 1994 N 873 "On the establishment of prizes of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology"]. URL: <http://base.garant.ru/1582845>.

6. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 4 aprelya 2011 g. N 240 «O premiyakh Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii imeni Yu.A. Gagarina v oblasti kosmicheskoy deyatel'nosti»* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/55170978>.

7. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 5 avgusta 2010 g. N 601 «Ob utverzhdenii Polozheniya o premiyakh Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii v oblasti nauki i tekhniki dlya molodykh uchenykh»* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/199012>.

8. *Rasporyazhenie Prezidenta RF ot 5 iyunya 1992 g. N 282-rp «O Gosudarstvennykh premiyakh Rossiyskoy Federatsii v oblasti nauki i tekhniki»* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/6313942>.

9. *Teletaypogramma Mintruda RF № 2181 ot 12.04.2002 «O dopolnitel'nom ezheemesyachnom material'nom obespechenii grazhdan RF za vydayushchiesya dostizheniya i osobye zaslugi pered RF»*. *Sotsial'nyy mir*. 4. 22–28.04.2002.

10. *Ukaz Prezidenta RF ot 21 iyunya 2004 g. N 785 «O sovershenstvovaniy sistemy gosudarstvennogo premirovaniya za dostizheniya v oblasti nauki i tekhniki, obrazovaniya i kul'tury»* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/6150211>.

11. *Ukaz Prezidenta RF ot 28 oktyabrya 1996 g. N 1499 «O Gosudarstvennoy premii Rossiyskoy Federatsii imeni Marshala Sovetskogo Soyuz G.K. Zhukova»* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/1548976>.

12. *Ukaz Prezidenta RF ot 28 sentyabrya 2015 g. N 485 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennoy premii Rossiyskoy Federatsii v oblasti nauki i tekhnologii i Polozheniya o Gosudarstvennoy premii Rossiyskoy Federatsii v oblasti literatury i iskusstva»* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/71201956>.

13. *Ukaz Prezidenta RF ot 29 avgusta 1994 g. N 1767 «Ob uchrezhdenii Gosudarstvennykh premiy Rossiyskoy Federatsii dlya molodykh uchenykh za vydayushchiesya raboty v oblasti nauki i tekhniki»* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/184478>.

14. *Ukaz Prezidenta RF ot 30 iyulya 2008 g. N 1144 «O premii Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v oblasti nauki i innovatsiy dlya molodykh uchenykh»* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/193642>.

15. *Uchenye: Nekhvatka deneg na nauku vedet k utechke mozgov*. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=16cf728f-4bb3-4ac3-8557-1dfe3e6ab24b&print=1>.

16. *Federal'nyy zakon ot 19.06.2000 N 82 «O minimal'nom razmere oplaty truda»* [Elektronnyy resurs]. URL: <http://base.garant.ru/12119913>.

УДК 378.03+316.74:687

Валеева Э.М.

Влияние моды на потребительское поведение студенчества

В статье рассмотрены некоторые аспекты влияния моды на современное студенчество. По мнению исследователей моды, она служит одним из способов приобщения человека к социальному и культурному опыту: отсюда ее особое значение для молодежи. Даже краткий анализ данного вопроса позволяет рассуждать о моде, при ее чрезмерном влиянии, как о факторе, частично нарушающем нормальное психическое и нравственное развитие молодежи. Результатом ее негативного воздействия является создание условий, способствующих формированию и развитию потребительского поведения.

Ключевые слова: социология моды, студенчество, потребление, ценности, потребительское поведение.

E.M.Valeeva

Fashion influence on consumer behavior of students

This article discusses some aspects of the fashion influence on contemporary students. According to the researches, fashion is one of the ways to familiarize a person with social and cultural experience, hence its particular importance for young people. A brief analysis of fashion reveals its excessive influence on mental and moral development of young people, which causes the formation and development of consumer behavior.

Keywords: the sociology of fashion, students, consumption, values, consumer behavior.

Valeeva E.M.

La influencia de la moda en el consumidor comportamiento del estudiante

En el artículo se consideran algunos aspectos de la influencia de la moda en los estudiantes contemporáneos. Según los investigadores de la moda, sirve como una de las formas de familiarizar a las personas con la experiencia social y cultural: de ahí su importancia especial para los jóvenes. Incluso un breve análisis de este tema nos permite hablar sobre la moda, con su excesiva influencia, como un factor que parcialmente viola el desarrollo mental y moral normal de los jóvenes. El resultado de su impacto negativo es la creación de condiciones propicias para la formación y el desarrollo del comportamiento del consumidor.

Palabras clave: sociología de la moda, estudiantes, consumo, valores, comportamiento del consumidor

Мода – явление, проникающее почти во все сферы жизнедеятельности людей. В настоящий момент за модой признаются характерные феноменальные черты, которые оказывают колоссальное воздействие на психологию современного человека, его социальное сознание, поведение и вкусы. Особенное влияние мода оказывает на современную молодежь. Как правило, это влияние носит негативный характер, так как формирует у молодых людей потребительское отношение к миру, близким и родным людям, тем категориям и понятиям, которые имеют ценность и неоспоримую важность.

Мода как объект воздействия множества социальных факторов фактически отражает все процессы, происходящие в обществе, – и материальные, и духовные. Многие социологи утверждают, что природа моды иррациональна, так как очень часто человек даже не сознает, что модные веяния уже проникли в его сознание, неосознанно человек начинает жить по модным канонам, либо становясь их жертвой, либо достойным продолжателем [1].

Сегодня модное поведение превратилось в массовое и приобрело статус социального явления. Порой создается впечатление, что мода становится синонимом самой жизни. Каждый день современный человек десятки раз слышит и сам произносит это короткое, но такое весомое слово «мода». Высокий уровень развития СМИ, колоссальный информационный по-

ток, который буквально обрушивается на любого человека, делает его более податливым диктату моды. Многие исследования проблем молодежи указывают на то, что сегодня «культура моды, вещиизма, потребления овладевает сознанием и приобретает универсальный характер, что сказывается на стремлении большей части молодежи ориентироваться на внешние признаки принадлежности к той или иной группе». И именно мода, модные течения, стили, модные вещи и направления, модные стандарты поведения позволяют реализоваться этой потребности. [2]. Современная молодежь не просто следует моде, а живет модой, более того, мода становится самой жизнью. При этом стоит отметить, что мода стала прекрасным способом управления молодежью, накладывая ограничения на ее свободное проявление и выступая как некая принудительная сила. В результате человек часто думает, действует и принимает решения не из собственного желания, побуждения, основанного на внутреннем идеале, а из неких социальных установок, диктуемых модой. Ее влияние на молодое поколение значительно, поэтому нарушение моды вызывает негативную оценку и самооценку. Быть модным человеком – это отлично, равносильно бытию национальным героем, быть немодным нежелательно.

Каждый день СМИ навязывают современной молодежи ложные идеи, значительно искажая представления о нормах

морали, жизненных ценностях, приоритетах и других важных явлениях. Под их влиянием молодое поколение абсолютно неосознанно перенимает некий образ жизни и мышления, имея внутреннее оправдание, что это модно, а значит вполне допустимо. Телевидение, Интернет весьма настойчиво убеждает, как надо «правильно» жить, чтобы быть модным, чтобы добиться поставленных целей. Ролики манят современных молодых людей песнями о сказочно красивой жизни. Навязывание ложных ценностей формирует у современной молодежи образ идеальной жизни, в котором деньги, сила и власть являются приоритетными. Практически все телеканалы, как федеральные, так региональные, пропагандируют западные стандарты жизни и поэтому используют для привлечения студенческой аудитории приемы и технологии, применяемые их западными коллегами, которые основаны на использовании «острых ощущений».

Опросы современной молодежи, проведенные социологическими службами на территории России, позволили выявить тот факт, что российские студенты, почти 50%, считают допустимым употребление алкоголя, курение, супружескую измену, употребление нецензурных выражений. Наблюдается формирование пренебрежительного отношения к институту брака, семейным ценностям. Это напрямую влияет на демографическую ситуацию в России, которая достигла критических

отметок: количество заключаемых браков, по оценкам авторитетных исследовательских институтов, по сравнению с 2000 годом сократилось на 45% и вдвое увеличилось количество разводов [3]. Таким образом, можно утверждать, что почти половина молодого поколения россиян находится под влиянием девиантного поведения, которое не соответствует нормам морали, нравственности, общечеловеческих ценностей.

Последние опросы показывают, что для 80% студенческой молодежи приоритетным является обеспечение материального благополучия, причем 40% опрошенных в качестве жизненного идеала называют возможность «жить беззаботно, развлекаться». Среди жизненных устремлений преобладает желание «иметь хорошее здоровье» (83%), «делать всегда то, что хочется» (71%). Общественные интересы окончательно ушли на второй план. [3] В приоритете личное благополучие и получение удовольствия, которое напрямую связывается с наличием денег, для получения которых допускаются все средства. Все это свидетельствует о переориентации ценностной системы молодежи на ценности «общества потребления», а его основные характеристики: индивидуализм, гедонизм и высокий потребительский уровень.

Активное участие студенчества в моде отчасти объясняется ее социализирующей функцией. Интерес к моде у студентов – это поиск своей идентичности. Возраст от восемнадцати до

двадцати восьми лет наиболее активный для социального становления. Студенческая молодежь высших учебных заведений – поколение, которое в силу значительного образовательного уровня, трудоспособного возраста, активного социального поведения в ближайшем будущем займет место основной интеллектуальной и производительной силы в обществе.

Молодежь всегда воспринимается как некий авангард. Они пионеры модерна, они первыми попадают под влияние медиа и ее продукции. Поэтому нельзя недооценивать роль СМИ в формировании социального поведения студенчества, что подтверждается высказыванием известного социолога Ольшанского, определившего СМИ как «определенный способ формирования некоторых видов поведения» [4]. Таким образом, в настоящий момент задача осмысления влияния моды на социальное поведение студен-

ческой молодежи должно стать приоритетным на государственном уровне.

Молодое поколение – основной стратегический ресурс обновляемой России. Студенчество как в фокусе вбирает в себя наиболее значимые социальные характеристики молодежи. Поведение, цели и ценности современной молодежи – это индикатор состояния и функционирования в обществе самых различных институтов – семьи, образования, политической власти и многих других. Поэтому студенчество, как и во все времена, должно стать в авангарде новых модных течений. В основе должна стать мода на добро, заботу о близких, умение созидать, творить, мыслить экологическими категориями. Именно студенчеству под силу сделать общечеловеческие ценности модными, а это, в свою очередь, позволит стране выйти на новый социальный, экономический и духовный уровень.

Библиографический список

1. Килошенко М.И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. – СПб.: – СПбГУТ, 2011, – С. 56.
2. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. – М.: ИП РАН, 2012. – С. 66.
3. Массовая информация в современном промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Грушина Б.А., Ониква Л.А. – М, 2006. – С. 101.
4. Левитов Н.Д. Вопросы психологии характера. –М.: Современный гуманитарный университет, 2008. – С. 114.

References

1. Kiloshenko, M.I. Psikhologiya mody: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty. – SPb.: - SPGUT, 2011, S.56.
2. Rusalov, V.M. Temperament v strukture individual'nosti cheloveka: differentsial'no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya. M.: IP RAN, 2012. S. 66.
3. Massovaya informatsiya v sovremenном promyshlennom gorode: Opyt kompleksnogo sotsiologicheskogo issledovaniya / Pod obshch.red. Grushina B.A., Onikova L.A. M, 2006. S.101.
4. Levitov, N.D. Voprosy psikhologii kharaktera. M.: Sovremennyy gumanitarnyy universitet, 2008. S. 114.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР-ПРО № 1-2 2017
КОМПЛЕКСНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

**ТРЕБОВАНИЯ
К ПУБЛИКАЦИЯМ**

Требования к сопроводительным документам:

- экспертное заключение для открытой печати
- рекомендация к публикации

Требования к срокам подачи статей:

- до 20 марта в первый номер года
- до 20 октября во второй номер года

Требования к содержанию статей:

- социально-политическая и гуманитарная направленность
- комплексный и межпредметный характер

Требования к форме статей:

редактор MS Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1 пт., красная строка 1 см, поля 2x2x2x2 см

Требования к структуре статей:

УДК, название, список авторов, аннотация, ключевые слова, текст статьи (не более одного авторского листа – 40 тыс. знаков), концевые сноски (единая нумерация на всю статью)

Требования к языку статей:

- статья может быть предоставлена на любом языке
- название, список авторов, аннотация, ключевые слова повторяются на русском и английском языках, а также на языке оригинала статьи

**REQUIREMENTS
CONCERNING THE PUBLICATION**

Requirements concerning the enclosed information:

- expert's decision on public print
- recommendation for publication

Requirements concerning the dead-line for submitting the articles:

- March 20 – for the first issue of the year
- October 20 – for the second issue of the year

Requirements concerning the content of the articles:

- social and political focus
- complex and interdisciplinary character

Requirements concerning the article's form:

MS Word, font of Times New Roman, size 12, interval of 1 pt., paragraph break of 1 cm, margins of 2x2x2x2 cm

Requirements concerning the article's structure:

Universal Decimal Classification, title, authors, abstract, keywords, the article's text (no more than one author's sheet – 40 thousand characters), endnotes (single numbering for the full article)

Requirements concerning the article's language:

- The article can be presented in any language
- The title, the authors, the abstract, keywords are represented in Russian and English languages, as well as the language of the original article